

Глен Чарльз Кук
Коварное бронзовое тщеславие
Серия «Приключения Гаррета», книга 14

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9743131
Кук, Глен. Коварное бронзовое тщеславие : [фантастический роман] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-083681-9

Аннотация

Гаррет – это человек в стране троллей, гномов, вампиров...

Гаррет – блестящий детектив, способный раскрыть любое преступление в мире магии, готовый идти на риск и даже в самых отчаянных ситуациях не теряющий спасительной иронии.

Но Гаррета, наконец-то нашедшего свою истинную любовь и, похоже, обретшего прочное положение в обществе Танфера, ждет невероятно жестокое потрясение – его невеста убита накануне свадьбы.

Кто это сделал?

Кому могла перейти дорогу очаровательная девушка – всеобщая любимица? Выследить злодеев – долг чести для Гаррета, и он не успокоится, покуда не совершит возмездие.

И это – действительно ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ Гаррета.

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	10
5	13
6	15
7	16
8	18
9	20
10	24
11	27
12	30
13	33
14	35
15	37
16	39
17	40
18	42
19	44
20	46
21	48
22	51
23	54
24	57
25	60
26	63
27	65
28	68
29	70
30	72
31	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Глен Кук

Коварное бронзовое тщеславие

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera Ltd.

Glen Cook

WICKED BRONZE AMBITION

© Glen Cook, 2013

© Перевод. К.С. Егорова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

1

– Любовь засасывает.

– Если ты вампир. – Сбросив покрывала, Страфа нырнула к стратегической точке на моей шее. При одной угрозе щеколки я перехожу в психованный защитный режим.

Страфа со смехом отскочила и села, в ее глазах цвета портера блеснули золотые искры. Честное предупреждение! Беги, Гаррет, беги! Спасай свой разум!

– Ты голая, – сообщил я, будучи опытным наблюдателем.

– В постели я всегда голая.

– Знаю. Но теперь я официально это заметил.

– Ах ты, развратник! Я вижу, как много ты заметил. Это все в мою честь?

Крякнув, я попытался натянуть на себя простыню.

– Потому-то я это и делаю, – рассмеялась она.

Точно. Чтобы я заметил. И все закрутилось. Настоящим дьяволицам, безусловно, идет отсутствие одежды.

Страфа настолько близка к идеальной женщине, насколько может себе представить этот потрепанный жизнью бывший морской пехотинец. Она красива. Неизменно весела. Готова на любую авантюру. С ней мне весело. Вокруг нее – тоже. Она даже богата. Чего еще может пожелать мужчина?

Ну, например, более приятных родственников.

Страфа Альгарда богата, потому что она – Бегущая По Ветру, Поток Яростного Света, одна из главных чародеек Танфера. Она обладает колоссальным, ужасным могуществом, которое ее практически не интересует. Что до членов семьи Страфы... Это другое дело. Совершенно другое. Все они – странные, зловещие личности. И я вот-вот вольюсь в их ряды.

Я кинулся вперед, щекоча Страфу. Она залилась смехом.

– Отвлекай меня, сколько душе угодно, но нам все равно придется навестить бабушку.

– Я задержу тебя тут на весь день.

– Хвастун. Прибереги свою прыть до завтра. А сейчас...

Сейчас время почти вышло. И даже Поток Яростного Света не отваживалась заставить ждать Метательницу Теней, поэтому вскоре мы уже начали бесконечный, но слишком короткий подъем длиной в два квартала к дому Бабули.

2

Дверь нам открыла дочь Страфы, Кивенс. Кивенс очень похожа на отца. Не стройная и красивая, как мать. И рядом с матерью эта шестнадцатилетняя девчонка ведет себя как пятидесятилетняя матрона.

– Мама! Вы двое хуже хорьков в клетке. Вы *старые*! Нельзя хотя бы сделать вид, что вы ведете себя прилично?

Определение слова «старый» зависит от точки зрения. Страфе тридцать один, что подразумевает любопытную математику поколений. Я не обращаю на это внимания. Я не обращаю внимания на странности Альгард до той степени, до которой они мне это позволяют.

Я держал рот на замке. Стоит хоть пальцем влезть в спор между дочкой и мамой, как тебе оторвут всю руку, поколотят ею и заставят съесть.

Да. Семья была обратной стороной помолвки с самой чудесной, изумительной, очаровательной и любящей женщиной в мире. Родственники непременно шли в комплекте.

Мы с Кивенс неплохо ладим, когда ее матери нет поблизости. Когда рядом нет Кивенс и Страфы, я неплохо лажу с их отцом. Барат – умный мужик. Он всерьез считает, что я – лучшее, что могло случиться со Страфой; правда, так было не всегда.

С бабушкой, Метательницей Теней, не ладит никто.

Она трудится над своей репутацией, не покладая рук. Однако меня уверяют, что она обо мне хорошего мнения. Насколько это вообще возможно, с учетом того, что она Метательница Теней. Самое главное мое достоинство заключается в том, что я хочу превратить ее засидевшуюся в девках внучку в честную женщину.

– В каком она настроении?.. – спросила Страфа Кивенс. – Ну конечно. Как обычно. Глупый вопрос.

– В плохом. Но не из-за нас, в кои-то веки.

Подобно большинству наиболее свирепых пользователей магии, живших на Холме, Констанция Альгарда, также известная как Метательница Теней, обитала в огромном, мрачном, темном особняке, выглядящем так, словно даже упыри и кладбищенские призраки покинули его более двухсот лет назад. Черета мрачных жильцов снабдила особняк дурными запахами, жуткой пылью, пауками и паутиной, а также кучами всевозможного мусора. Метательница Теней не славилась своей хозяйственностью. И ничуть не напоминала низенькую, толстенную, розовощекую бабулю.

На самом деле большинство запахов существовало только в моем воображении, но Метательница Теней закрепила их там – с широкой, мерзкой, злобной ухмылкой. В качестве напоминания, сказала она, не уточнив, что имеет в виду. В ее доме я постоянно ощущал вонь гниющей плоти. Стены словно сочились ею.

Никто больше ее не чувствовал.

– Она так поступает, потому что ей не все равно, – объяснила Страфа. – Спорим, она уберет запах после свадьбы?

Ее огромные голубые глаза лучились оптимизмом самообмана.

Я пожал плечами и смирился. Такова цена билета в рай.

Кивенс велела нам следовать за ней и ныла всю дорогу к комнате, где ждала Метательница Теней. Только там на лице девчонки мелькнула искренняя улыбка.

Кивенс любит бабушку, хотя я ни разу не слышал от нее доброго слова о старой карге.

3

Я вздрогнул. Страфа пискнула. Она тоже удивилась.

Метательница Теней была не одна.

Я ни разу не заходил в эту комнату. Она оказалась просторной, удобной и наиболее цивилизованной из всех, что я до сих пор видел в личной преисподней Метательницы. Ни одного орудия пытки, ни одной жертвы. Богатые ковры и гобелены, большие, удивительно уютные кресла, массивная мебель. Огонь восторженно ревел в камине за спиной Бабули, которая пребывала уже в том возрасте, когда веришь, что тебе все время холодно. Пара слуг в ливреях обслуживала гостей. Я узнал Барата, моего будущего тестя, наполовину утонувшего в гигантском кресле. Когда мы вошли, он подносил к губам чашку из костяного фарфора.

Его отношения с матерью были не менее запутаны, чем отношения Кивенс со Страфой. Каждое движение Барата выражало насмешку над необычным стремлением матушки к соблюдению приличий.

В комнате находились еще три человека. Все старше меня. Двое – старше Барата, а может, и самой Метательницы Теней. Я их не знал. В отличие от Страфы, которая тихо, изумленно ахнула.

– Это хорошо или плохо? – прошептал я.

Ее дрожащая правая рука скользнула в мою левую.

– Все вместе.

Поджарый лысеющий мужчина шести футов ростом стоял в паре шагов слева от Метательницы Теней. В руке он тоже держал фарфоровую чашку. Аристократическая внешность, но одежда повседневная. Такой не привлечет внимания на улице.

Неподалеку, словно ища у него поддержки, но стараясь не проявлять интереса, расположилась женщина, которой давно перевалило за тридцать, несмотря на все ее высокохудожественные усилия это опровергнуть. Высокая и тощая, почти костлявая, также облаченная в неброский, но явно дорогой наряд. Я сразу подумал, что на голове у нее должен быть седой ежик, а не развевающиеся во все стороны света каштановые кудри.

Последний гость устроился в таком же кресле, как и Барат, в нескольких футах от Альгарды. В отличие от прочих, он явно чувствовал себя на своем месте.

Друг семьи.

Разглядеть подробности я не успел, потому что Метательница Теней начала действовать.

Уродливая старая перечница навела ужас одним своим присутствием, сидя за массивным дубовым столом длиной восемь и шириной четыре фута. Ее вес составлял около трех сотен фунтов, а рост, в тех редких случаях, когда она действительно стояла, – всего пять футов три дюйма. Перемещалась старуха при помощи целого флота всевозможных инвалидных кресел. Страфа говорила, что, сколько себя помнит, Бабуля никогда не могла стоять, поддерживая свой вес дольше нескольких минут. Но Констанции Альгарде и не требовалось быть балериной. Она являлась Метательницей Теней, одной из темнейших и могущественнейших ныне живущих чародеек Каренты.

Ходили слухи, что она всегда ест в одиночестве. Лично я ни разу не видел ее жующей, но старуха продолжала становиться все толще.

Огромный, широкий рот Метательницы Теней растянулся в подобии улыбки. Она бросила на меня откровенно кокетливый взгляд. Моя утроба взбунтовалась. Утроба. Классное словечко. Нечасто приходит на ум.

– Бабушка, ве́ди себя прилично, – прорычала моя возлюбленная. – Отец, будь любезен, объясни, что здесь происходит. Вы вытащили бедного Гаррета из постели задолго до полудня. Сам знаешь, как это на него действует.

Говорить будет Барат. Его матери это нравилось. Эффект получался еще более зловещим.

Он выпрямился и соскользнул на край кресла. Вытянул в сторону поджарого лысого мужчины правую руку ладонью вверх.

– Рихт Хаузер.

– Рич? – уточнил я. Мужчина больше напоминал Неда или Ньюта.

– Рихт. – Барат выделил голосом последнюю согласную. – Хаузер.

С буквой «з», как в слове «запонки», а не «собака».

Страфа стиснула мою левую ладонь двумя своими. Мне следовало впечатлиться и, возможно, немного испугаться.

Рихт Хаузер не счел нужным даже кивнуть. Это многое сказало о его самомнении – он считал себя самым важным человеком в комнате.

Затем Барат показал на женщину.

– Леди Тара Чейн Махткесс.

Кажется, это имя я где-то слышал, по крайней мере ту его часть, что связана с Махткесс. Дама наклонила голову в ответ на мой поклон, на ее лице, под суженными, расчетливыми глазами, мелькнула слабая улыбка. Я почуял хищника. Под чьей шкурой скрывалось что-то вроде маленькой напуганной девочки.

Барат поднял левую руку. Показал на мужчину в соседнем кресле.

– Киога Сторнс. Часто мешает тут под ногами, потому что мы с ним с детства лучшие друзья. Но на этот раз он явился, поскольку имеет свой интерес в игре.

Это имя я знал. О юношеских приключениях Барата и Киоги ходили семейные легенды. Сейчас Киога больше напоминал жертву, а не мастера злонамеренных проказ.

Расплата за грехи?

Метательница Теней нетерпеливо пошевелилась.

– Да, мама. Гаррет, нам нужны твои ресурсы и опыт.

Потрясающая вежливость. Однако этих людей я не мог послать куда подальше только потому, что мне не хочется работать. А работать мне не придется до тех пор, пока я вместе с моим чудом, Страфой.

– Зачем? И в чем именно?

Поднапрягшись, Метательница Теней ткнула пальцем в Хаузера.

– Начали появляться признаки подготовки к Турниру мечей, – мрачно произнес Хаузер. – У всех нас есть кто-то, кого наверняка призовут в игру.

Я понятия не имел, о чем он толкует. Страфа тоже.

– Что такое Турнир мечей? – спросила она.

Необходимость объяснять мгновенно вызвала у Хаузера раздражение, которое трансформировалось в удовлетворенность тем фактом, что об этом турнире не знали даже члены высшего магического общества.

– Каждые несколько поколений возникают неопределенный сверхъестественный процесс или сила, которые требуют состязания...

Он замолчал. Эмоции пробили броню хладнокровия. Хаузер пытался взять себя в руки.

Инициативу перехватил Барат.

– Суть в том, что для участия отбирают группу талантливых людей, обычно детей. Преимущественно из семей, занимающихся магией. Их согласия никто не спрашивает. Их просто призывают. Они должны сражаться, пока не останется только один. Этот последний получает приз – устройство, содержащее в себе всю объединенную мощь побежденных

соперников. Когда турнир только появился, семейства так отчаянно стремились завладеть этим устройством, что все записывались в участники. Этот приз, это могущество, превращал победителя в мелкое божество.

4

Я переводил взгляд с одного лица на другое. Кажется, Альгарда не шутила. Кивенс издала звук, похожий на испуганное блеяние; вполне объяснимо, если все это было правдой.

– Без дураков, Гаррет. У этих двоих есть внуки, которых это может коснуться. Судя по всему, сын Киоги, Федер, узнал новости вчера. Само собой, мы с мамой тревожимся за Кивенс.

– Вы меня запутали. Кто-то или что-то выбирает детей... и непременно с Холма? И у них нет права голоса?

– Практически всегда это члены главных семей. Но некоторые из них прекратили свое существование, не в последнюю очередь благодаря турнирам, поэтому к делу также привлекают выдающихся представителей иных кругов. Или, хуже того, вызов может прийти сразу нескольким членам одного семейства.

Жестоко.

– Ясно. Детишки сливок общества. И они должны убивать друг друга, пока не останется только один.

– Именно.

– Вот напасть. Как? Зачем? И почему целый мир ни черта не знает, если это происходит постоянно?

– Как можно заставить их драться? Если они не хотят? – спросила Страфа.

– Это важный вопрос, – согласился я.

– У них нет выбора. Допустим, ты пацифист и отказываешься участвовать. Кто-нибудь просто перережет тебе горло, раз уж ты подставился.

– Иными словами, это расширенная формализованная игровая версия того, что ежедневно творится в правящей верхушке.

Представители упомянутой верхушки одарили меня недобрыми взглядами.

– Кто-то обязательно станет сражаться, за приз или за свою жизнь, – сказал Барат. – Кто-то попытается выиграть, чтобы обрести власть и покончить с турнирами раз и навсегда. В любом случае погибнут молодые люди, и некоторые из них – ужасным образом. Не все жертвы обязательно будут напрямую вовлечены в состязание. Сопутствующие потери тоже велики.

– Но общественность обычно ничего не замечает.

– Большая часть событий разворачивается не на публике. Это не гладиаторские бои, не рукопашные состязания. Это тайная война, которая по самой своей природе не может не влиять на общество. Будут трупы и локальные катастрофы. Необъяснимые магические стычки в ночи, зачастую фатальные.

Для Танфера такое не являлось редкостью – до недавних пор. В последнее время город страдал от мучительных приступов нарождающихся законности и порядка.

– Если поискать, можно найти свидетельства в исторических хрониках, – продолжил Барат. – Глубоко копать не придется. Мы обеспечим тебе выгодное преимущество, позволив побеседовать с несколькими участниками последнего турнира.

Он протянул руку, показывая на Хаузера, Махткесс и свою мать.

– Мой отец вел журнал, записывая свои действия, а также действия двух своих компаньонов, – сообщил Киога.

– Но...

– Участвовали семьи, – продолжил Хаузер, – и все сведения передавались из уст в уста. Мы отказались играть по старым правилам. Мы устраивали саботаж и подрывали

турнир. Мы атаковали демона-распорядителя вместо наших друзей. И думали, что навсегда покончили с этим.

– Мы ошибались, – сказала леди Тара Чейн.

– Вы все? – уточнил я. Киога был ровесником Барата.

– Нет. Мейнесс Б. Сторнс, – ответил Хаузер.

– Я сказал, мой отец. Я тогда еще носил подгузники, – объяснил Киога.

– Пятеро из нас восстало, – добавил Хаузер. – Десять лет спустя Мейнесс исчез в Кантарде.

Ладно. Я снова оглядел их. Рано или поздно они объяснят, какое отношение к этому имею я. Надеюсь, что пораньше – я испытывал голод. Глаза Страфы пожелтели от нетерпения. А Кивенс начинала нервничать.

– Мы расстроили последнюю игру, потому что наши бабушки и дедушки подорвали предыдущий турнир. Наш тоже пошел не по плану, хотя мы так и не выяснили, в чем была причина. Все причастные к нему лица погибли, прежде чем смогли что-либо объяснить. Однако некоторые из нас оказались достаточно взрослыми, чтобы понять, и в достаточной степени друзьями, чтобы не желать убивать друг друга ради чего-то, во что мы сами не верили.

– Всего состоялось шесть турниров, и ни один не соответствовал изначальному замыслу, – сказала Тара Чейн. – Что-то всегда срывалось, но люди все равно погибали. В молодости мы думали, что все это – лишь развлечение для демонов. В отличие от Рихта, я уже не уверена, что вознаграждения не существует, однако все равно хочу покончить с этим безумием.

Хаузер не добавил себе очков, уточнив:

– В любом случае мы уже слишком стары для приза.

– Когда речь идет о твоих детях, все меняется, – сказала леди Махткесс. – А когда о самом тебе, ты не слишком тревожишься, потому что в молодости каждый уверен в своей неуязвимости.

– Сейчас мы хотим прекратить турнир, пока он еще не начался, раз и навсегда, – заявил Барат.

– Вынужден сообщить, что я смущен, – признался я. – И по-прежнему не могу понять, кто, что и почему.

– Но разве не этим вы занимаетесь, мистер Гаррет? – спросила леди Тара Чейн. – Ищете ответы? Мне говорили, вы лучший. – Вздернув бровь, она посмотрела на Метательницу Теней. – Констанция утверждает, что вы гений с непревзойденной сетью подозрительных связей. И что вы осмотнительней Гражданской стражи.

Бешеный мамонт осмотнительней этих парней.

Кто-то рассказывал сказки. Меня удивило, что этим занималась Метательница. Она редко демонстрировала что-либо, кроме презрения.

– Так и есть.

С некоторой натяжкой.

Две руки, вцепившиеся в мое левое предплечье, намекали, что в моих интересах меньше болтать и больше слушать – то есть применить навык, в оттачивании которого я за последние десятилетия не слишком преуспел.

– Мама верит, что на сей раз события будут развиваться иначе благодаря заметному влиянию тех, кто выжил в прошлом турнире, – сказал Барат.

– Э-э?

– В начале этого турнира Операторы могут попытаться избавиться от тех, кто помог расстроить турнир в прошлый раз.

Поворачиваясь слева направо, я по очереди ткнул пальцем в леди Тару Чейн, Хаузера и Метательницу Теней.

– Совершенно верно. От нас, – кивнул Хаузер. – Мы были слишком беспечны, позволив делу зайти слишком далеко. Думали, что все кончено. Или по крайней мере надеялись, что следующий турнир состоится после нашей смерти. Но честно говоря, кое-кто опасался, что рано или поздно придется встретиться с прошлым лицом к лицу.

– Этот день наступил, – провозгласила мадам Махткесс.

Угу, не высокомерие, а самоуверенность и недовольство тем, что некая внешняя сила посмела пытаться их использовать. Типичная черта обитателей Холма. Эти люди состарились в атмосфере предательства.

– И что я должен делать со своими особыми талантами и выдающимися подозрительными связями? – Осторожно, нейтральным тоном. Страфа продолжала стискивать мою руку, посылая отчаянные сообщения. В некотором смысле ее восхищало, что мужчина, которого она выбрала не посоветовавшись со старшими, был допущен в сердце семейного заговора.

Метательница Теней разглядывала меня, словно перебирая в уме рецепты, как повкуснее приготовить лапочку Гаррета.

– Сначала мы должны обнаружить будущих участников, – сказал Барат. – Если удастся собрать их прежде, чем начнутся убийства, все чертово состязание развалится. И никто не умрет.

– Мы сможем спасти их всех, – согласился Хаузер. – А если нам удастся найти Операторов...

Метательница Теней подозвала Барата и что-то пробормотала ему на ухо.

– Мама вынуждена нас покинуть, – провозгласил он. – Она полагает, что все мы обеспечим мистера Гаррета доступной нам информацией, чтобы он мог приступить к работе, а особенно – к поиску участников.

Ну конечно.

Интересно, насколько они в действительности заинтересованы во всем этом, цинично подумал я.

5

На улице было темно и голодно когда мы со Страфой покинули жилище Метательницы Теней, я – в размышлениях о невероятности состязания не на жизнь, а на смерть, с привлечением самых выдающихся подростков.

Двенадцать – вот магическое число участников. К каждому приставлено сопровождение: Смертный компаньон, обычно близкий друг, но иногда – боец-наемник. В какой-то момент каждый участник также получает теневого сверхъестественного союзника – Ужасного компаньона. Кроме того, имелись сущности, которые выбирали участников игры, организовывали все действие, судили и – при необходимости – добивали раненых. Их называли Операторами, и они представляли собой самую непроглядную загадку. Никто не знал, как их нанимают и каков их интерес в игре. Очевидно, смерть являлась обязательным условием полноценной работы всей схемы. Проигравшие не могли просто признать поражение – они должны были умереть, чтобы их силы вошли в финальный приз.

Вычислив Операторов, мы сможем положить конец этим абсурдным турнирам.

Моя циничная, подозрительная сторона уже спрашивала, в чем выгода Операторов. Моя подлая сторона утверждала, что уничтожив эту компашку, мы сильно продвинемся в искоренении игры, поскольку некому будет нанять новую команду.

Хотя меня грузили этим весь день, я по-прежнему испытывал недоверие и глубокое замешательство. Это был очень странный способ ведения дел.

– Ты все поняла? – спросил я Страфу.

– Вовсе нет.

– Они непрерывно трепали языками – полагаю, из благих побуждений, – но когда слышишь такие абсурдные заявления, поневоле думаешь, что тебя пытаются обмануть либо скрывают факты.

– Ты прав. Но не думаю, что они что-то утаили. Костемол рассказал больше, чем когда-либо на моей памяти.

– Костемол?

– Рихт Хаузер. С таким прозвищем он вернулся из первой командировки в зону боевых действий.

– А та зловещая женщина, Махткесс?

– Она предпочитает называться Лунной Гнилью. А в игривом настроении – Повелительницей Цепей. Игра слов в ее имени.

– Не буду уточнять подробности. Что ж, ладушки. И они действительно дружат с твоей бабулей?

– Насколько это возможно в их среде. Скорее, они дружили в молодости. Теперь их можно назвать соучастниками. Куда мы идем?

– Ко мне домой, чтобы обратиться к некоторым из моих непревзойденных ресурсов.

– Путь неблизкий, почему бы не полететь? Вот-вот начнется дождь. Мы промокнем, если пойдем пешком.

– Ладно, – неохотно согласился я. – Но у тебя нет с собой метлы. – Предпочитаю чувствовать под ногами что-то плотнее воздуха.

– Ты ведь знаешь, что мне она не нужна. Ты просто трусишь.

Она была права.

– Твоя взяла. Но подожди-ка минутку. Я вижу гражданских.

К нам направлялась девочка лет девяти или десяти, светловолосая, хорошо одетая, очень миленькая. Живая куколка. Она держала за руку гролля. Гролле – помесь великана с троллем, сильное и уродливое создание, неуязвимое для большинства видов оружия, но,

хвала богам, редко проявляющее агрессию. Взрослые гrolли огромны. Этот экземпляр был особенно крупным, высотой добрых четырнадцать футов. Он словно спал на ходу, не обращая внимания на окружающий мир. Однако маленькая девочка держалась начеку и выглядела крайне напряженной.

Страфа прижалась ко мне спиной.

– Хватайся. – Неожиданно она встревожилась.

– Всегда рад.

– У вас одно на уме, сэр. Но хватит дурачиться. Убираемся отсюда! Немедленно.

– И кто в этом виноват? Только ты сама.

Я не обратил внимания на девочку, разве что отметил, что она достаточно богата, чтобы позволить себе роскошного телохранителя.

Пальцы моих ног оторвались от мостовой. Страфа повернула голову. Я попытался поцеловать ее, на мгновение забыв, чем мы занимались. Она потеряла точку опоры в воздухе. Мы рухнули на землю подергивающейся кучей. Маленькая девочка остановилась, нахмурилась, а потом сказала мне:

– Если не будешь более внимательным, умрешь первым.

Страфа проигнорировала ее и села.

– Боги, хотела бы я, чтобы мы познакомились, когда я была в возрасте Кивенс. У нас было бы намного больше времени.

Я так не думал. В возрасте Кивенс у Страфы уже был ребенок, а я ничего из себя не представлял. Кроме того, меня ждали пять лет в зоне боевых действий.

Скорее всего, я бы отчалил, оставив ее с еще одним сюрпризом наготове – который у меня вполне могло хватить подлости не признать. В молодости я не был таким милым, как сейчас.

Но я ни за что не скажу ей, что нам повезло, что жизнь свела нас так поздно.

Маленькая девочка с монстром поспешили дальше, а я спросил:

– Что это было? Ты поняла?

– Давай просто уйдем отсюда. Все обошлось.

Она явно была потрясена, озадачена и, может, немного напугана, словно только что уклонилась от встречи с очень опасной головоломкой.

Я поднялся, помог Страфе встать, обнял ее сзади и на этот раз вел себя прилично, пока она занималась тем, чем занимаются Бегущие По Ветру.

* * *

Мы опустились на мостовую перед домом, в котором я жил, пока Страфа не затащила меня в свой особняк на Холме. Дом был темно-красный, кирпичный, двухэтажный, в отличном состоянии, поскольку моя помощница, Пулар Паленая, помешана на деталях. Моя спальня располагалась на противоположной от фасада стороне, наверху. Прежде Страфа проникала в окно слева, над крышей крыльца.

Но сегодня мы решили войти через парадную дверь как нормальные посетители.

– Старые Кости определенно начеку, – заметил я, поскольку мы еще не успели распутаться, а Паленая уже открыла дверь.

6

Пулар Паленая – крысючка, потомок мутантов, созданных магами несколько веков назад. Ростом около пяти футов, когда вытянется в струнку. Я вроде как удочерил ее еще подростком, и она стала душой и сердцем моих расследований. Я отправляюсь на разведку и весело провожу время, а она остается дома и занимается записями, финансами, поддержанием дома в приличном состоянии и всеми прочими нудными делами, от которых я обычно ворочу нос. В этом она гений. Держит нас на плаву.

Кроме того, у Паленой лучший нюх во всем Танфере, а может, и всей Каренте. Она немного подрабатывает на стороне, обычно заключая контракты с Гражданской стражей, если они готовы платить вперед.

Никто из стражников не работает бесплатно, однако они уверены, что все прочие должны жертвовать своим временем и рисковать жизнью исключительно ради выполнения гражданского долга.

Не говоря ни слова, Паленая впустила нас в дом.

Мой дворецкий и повар, Дин, вышел из кухни, вытирая руки. Дин – ходячая древность. В последние недели он начал сутулиться и двигаться более осторожно. Тем не менее он поприветствовал нас по-прежнему сильным голосом.

Дин – большой поклонник Страфы Альгарды.

На лестнице, ведущей на второй этаж, раздались грохот и топанье. Затем шум прекратился, и мгновение спустя перед нами возникла совершенно невозмутимая, нарочито равнодушная, абсолютно сногшибательная маленькая брюнетка четырнадцати лет.

– А, это вы. Ну, привет.

И она с равнодушной миной направилась в кухню, как будто туда и собиралась.

Пенни Кошмарка – не слишком большая поклонница Страфы Альгарды.

Она – любимица моего партнера. Еще один приемыш.

Мы все беспризорники. Даже Страфа, в какой-то степени.

– Мы пришли повидать Его, – сообщил я Паленой.

– Какой сюрприз.

Дин ушел вслед за Пенни. Вскоре нас будет ждать чай с пирожными. А позже, быть может, и настоящая еда.

Метательница Теней слишком бережлива, чтобы тратить пищу на гостей.

7

Мой деловой партнер – представитель нечеловеческой расы логхиров. Он весит почти четверть тонны, и рядом с ним Метательница Теней покажется стройняшкой. Ему подобные водят родство то ли с мамонтами, то ли с мастодонтами. Он выглядит как безволосый новорожденный мамоненок, твердо вознамерившийся передвигаться на задних ногах. У него даже есть миниатюрный хобот.

Честно говоря, насчет «ходить» не уверен. За всю жизнь я видел только двух логхиров, своего и еще одного, и оба были мертвы. Это необычная раса.

Ее представители обладают некоторыми интересными особенностями, в первую очередь – потрясающим нежеланием покидать свою плоть после смерти. Мой логхир, которого мы ласково называем Покойником, был убит несколько веков назад. Лишившись подвижности и дыхания, он развил другие качества.

Интересно. Турнир мечей. Я думал, Холм переболел этим безумием многие поколения назад.

Он читает мысли. Узнав об этом, люди приходят в ужас и стараются свалить как можно быстрее и как можно дальше. Они не верят, что он читает мысли только с разрешения их владельца, потому что знают, как повели бы себя на его месте.

– Значит, ты слышал об этом турнире?

Да. Краем уха. Это разновидность сумасшествия, к которой стремятся лишь ненасытно жадные до силы. Процесс, в ходе которого силу можно сконцентрировать и передать одному носителю. При правильном исполнении победитель турнира получает могущество, позволяющее бросить вызов богам.

В этом может заключаться причина того, что до сих пор ни один турнир не прошел по плану.

Гаррет – не дурак.

– Для того чтобы один выиграл по-крупному, многие должны проиграть.

Именно. Причем проигрыш здесь намного болезненней, чем в обычной лотерее. Обитатели Холма пойдут на все ради выигрыша. Кроме того, сами боги могут быть заинтересованы в этом деле.

– И каждый игрок имеет неплохое представление о силе и слабостях других, поскольку все они знакомы.

Более того, они знают собственную силу и слабости.

– Удивительно, что ни одно из этих состязаний не разрушило Танфер.

У этого города имеется своя защитная магия. В некотором роде.

Я его не понял. Представил некую огромную сверхдушу, которой обладает наше королевство.

Я имею в виду глупость! И тот факт, что организуют турниры, но не схватки. Эффект локализован. Самые худшие столкновения всегда происходят на Холме.

– Чтобы больше никто нигде не удивлялся.

И не впадал в заслуживающее внимания отчаяние.

– Итак. У нас есть готовящийся турнир. Выжившие и сбежавшие с последнего турнира хотят, чтобы я расстроил грядущий, прежде чем он начнется.

Покойник не стал терять время на предложение отказаться от дела. Я ведь не собирался отказываться от Страфы.

И, возможно, у него были свои мотивы.

Первый шаг может оказаться одновременно и легче, и труднее, чем ты думаешь.

Загадки. Он их обожает. В прошлой жизни работал оракулом в пещере, наполненной конопляным дымом.

– То есть?

Список потенциальных участников уже сузился. Большинство призывников можно вычислить методом обоснованного исключения. Кого из каждого семейства выберут с наибольшей вероятностью?

Разумеется. Можно особо не трудиться. Метательница Теней сообщит мне практически все, что нужно знать.

На самом деле уже сообщила. Ты, как всегда, не проявил должного внимания.

Сообщила? Сообщила! Проблема заключалась в том, что поблизости от меня Страфа занималась кое-чем интересным. Например, соблазнительно дышала. Почему я постоянно отвлекаюсь?

– Значит, все, что от меня требуется, это разыскать Операторов и аутсайдеров, которые могут занять места семей, прекративших свое существование.

Именно.

– Вот же черт. И с чего начать?

Полагаю, тебе достаточно покинуть дом, чтобы это выяснить.

Он наполнил мою голову образами. Кое-чем, что я видел, но не уделил этому достаточного внимания. Симпатичная девочка-блондинка, произносящая загадочные слова; странный запах, когда мы со Страфой отправились в полет к Макунадо-стрит. И люди в той комнате в доме Бабули.

Я практически уверен, что они наняли тебя с целью использовать в качестве громомотвода.

То есть вполне могли пустить слухок, чтобы неизвестные злодеи забеспокоились, а не представляет ли Гаррет угрозы.

– С какими очаровательными людьми я собираюсь породниться.

Мне пришло в голову, что они должны подозревать личность хотя бы одного Оператора, если испытывают такую уверенность, что добьются желаемого результата просто привязав козла на поляне. А может, отсутствие результата будет по-своему столь же информативным.

Пожалуйста, попроси мисс Альгарду перестать очаровывать Дина и присоединиться к нам.

И пока я преодолевал долгий путь в кухню:

Сегодня у нас есть ресурс, которого не было ни у одного из предыдущих поколений. Мы полностью используем его.

У меня определенно сложилось впечатление, что Турнир мечей глубоко затронул его не всегда понятные мне чувства.

8

Поражаюсь уважению, с которым Покойник относится к Страфе. Он вполне мог коснуться ее мыслей, но вместо этого отправил меня с устным приглашением.

Я не дам ей повода сбежать.

Оказалось, что Страфа не только очаровывала Дина, но и подтачивала непреклонное сердце Пенни. Паленая же трудилась в своем кабинете, занималась чем-то полезным. Эта девчонка никогда не отвлекается на пустяки.

Мы вернулись в комнату Покойника, и он сказал мне:

Спроси мисс Альгарду.

– Почему он не обратится ко мне напрямую? – поинтересовалась мисс Альгарда.

– Может, он тебя боится.

Это неправда. Но такое предположение должно вызвать...

Что ж. Поскольку никого из вас не интересуют правила приличия.

Он исключил меня из диалога. А она не потрудилась озвучить свою часть разговора.

Позже Паленая скажет мне:

– Он, знаете ли, влюблен в Страфу. И не хочет делать ничего, что могло бы повредить вашим отношениям.

Невероятно. Со всеми прочими он заботлив и чувствителен, как орда варваров. Что, разумеется, будет отрицать.

Очень хорошо. У Дина готов обед. Наслаждайтесь им, а я пока осмыслю новую информацию.

Я чувствовал запах пищи. Мой желудок уже роптал, так что уговаривать меня не пришлось.

Дин подал нам исходящие паром миски с цыпленком и клетками. Мне стало интересно, как ему удалось справиться так быстро, но я уже привык к его кухонной магии.

Оторвавшись от еды, я спросил Страфу:

– Что он хотел?

– То, чего не мог получить от тебя.

– Например?

– Например, что сказала мне бабушка, когда мы одновременно вышли из кабинета.

– Секреты от меня?

– Нет. Но о деле мы поговорим позже.

С нами была Пенни. А также Дин с его большими волосатыми ушами. Они не смогут повторить то, чего не слышали, если кто-то поймает их на улице и поднажмет. Немного жестокое, милитаристское отношение к собственной семье, но я реалист.

Страфа восприняла это дело серьезней, чем я. Это пугало. Обычно она принимала мистическую, магическую сторону жизни не так близко к сердцу, как большинство жителей Холма.

Не хотела превратиться в свою бабушку.

Пенни поняла. Фыркнув, вышла из-за стола и покинула комнату. Протопала по коридору, предположительно чтобы поплакать на плече Паленой или Покойника.

Сочувствия от них ей не дожждаться.

– У нее намечается отличная попка, – заметила Страфа.

– И правда. Мы, мужчины, обращаем внимание на такие вещи. – Особенно профессиональные наблюдатели.

Данный конкретный мужчина также превращался в профессионального спутника жизни. Он не сделал попытки оправдаться.

Ни к чему усугублять.

– Можешь обращать внимание. Я не возражаю. – С подтекстом. – Девочка быстро растет. Разобьет не одно сердце.

Страфа не столь непоследовательна, как большинство представителей ее круга, но непредвзятой ее не назовешь. Таких просто не бывает. А те, кто заявляет подобное, особенно опасны.

9

У Покойника множественные умы. Он способен одновременно работать над несколькими проблемами и быстро приходить к поразительным выводам. Вот почему из него получился такой хороший партнер. Однако его атлетические навыки ограничены.

Я бы хотел поговорить со всеми, кто присутствовал этим утром в той комнате. Уверен, этого ждут. Также уверен, что большинство откажется. Возможно, имеет смысл узнать, кто откажется и под каким предлогом.

Я посмотрел на Страфу. Она пожала плечами. Так красиво.

Ты снова позволяешь себе отвлекаться.

Это правда.

– Ничего не могу поделать. Заставь ее прекратить.

– Прекратить что?

– Быть собой.

Дети, сосредоточьтесь.

– Да, сэр.

До настоящего момента это дело было интеллектуальным упражнением. Однако Турнир мечей – испытание физических сил и жестокости. Загадка не столь загадочна. Способ предотвратить Турнир очевиден. Метательница Теней запустила процесс. Поэтому вот мой вопрос: ожидали ли Операторы ее вмешательства?

Вот он, один из тех моментов, которые выпадают столь редко.

– Они могут желать, чтобы мы собрали соперников в одном месте.

Возможно, не сами Операторы. – В словах Покойника чувствовалась задумчивая нотка, словно его только что посетила новая, более тревожная мысль. – Да. Нельзя класть все яйца в одну корзину. Мисс Альгарда. Страфа, если позволите. Пожалуйста, приведите сюда свою дочь. Гаррет, я хочу, чтобы ты собрал всех членов Клики, которых сможешь отыскать. Попроси их тоже прийти сюда.

– Клику? Зачем?

Клика – банда весьма примечательных детишек. Ее члены – не тупоголовые бандиты, а пугающе умные задохлики. Ключевую роль играет Кивенс. Ее лучший друг и мой, так сказать, суррогатный сын, очередной приемыш, Кипрос Проуз, – их лидер. Клика столь же плохо приспособлена к нормальной жизни, сколь и обычные юные гангстеры, но, повторюсь, ее представители очень умны. И многие родом с Холма.

Клика – идеальный пул талантливых кандидатов на замещение участников турнира.

– Ты уверен? Никто из этих ребятишек не страдает от амбиций. Они лишь хотят, чтобы взрослые оставили их в покое и дали заниматься странными хобби и непонятными исследованиями.

Верно. До некоторой степени. Но среди них и прежде попадались дурные экземпляры. Перспектива получить колоссальную силу может убедить некоторых из них потрудиться. Жажда власти свойственна взрастившей их среде.

Он издевается? Эти слова подозрительно похожи на мои собственные. Более того, они напоминают шпильку по поводу моей склонности вести неподвижный образ жизни.

Однако...

– Есть идеи, как заставить их прийти сюда?

Солги.

Я начал говорить что-то по поводу того, что лживые взрослые составляют добрую половину причин, по которым эти детки такие странные.

Ты их знаешь. Придумай что-нибудь привлекательное для каждого эго. Когда они окажутся в зоне досягаемости, это утратит значение.

Я посмотрел на Страфу, которая слышала наш разговор. Она кивнула. Она была с ним согласна.

– Это для их же безопасности, Гаррет. Я приведу Кивенс. Она приведет Кипа. – А за Кипом подтянутся остальные.

Возможно, мне все же не придется становиться главным плохишом.

И, как всегда, мы не должны исключать вероятность того, что наших действий ожидают. Что они включены в генеральный план. Мисс Альгарда... Страфа. Ваша бабушка и ее коллеги согласятся добровольно нанять телохранителей?

Вполне предсказуемо, финансовая совесть дома выбрала для своего появления именно этот момент. Покойник держал Пулар в курсе событий.

– У нас нет денег, чтобы предложить охранные услуги за наш счет, на удачу. А эти люди часто не выполняют своих финансовых обязательств.

– Я могу позволить себе присмотреть за своей дочерью, – сказала Страфа. – И за Кипом. – И за прочими членами Клики, по правде говоря. Я не был готов к тому, насколько богатым оказалось семейство Альгарда, причем большая часть денег каким-то образом попала к Страфе, возможно, из-за того, что во всех прочих аспектах семья сделала ее жизнь невыносимой.

Я ничего не знал о ее доходах, когда увлекся Страфой. Она о них не упоминала. В действительности сейчас я оказался в курсе лишь потому, что Покойник увидел это в голове Страфы и решил, что мне следует знать всю правду о будущей жене.

– Кип сам за собой присмотрит, – сказал я. Он богаче большинства богов. Проблема в том, как убедить его в реальности угрозы.

Паленая слегка наклонила голову.

– С ним придется повозиться.

Я предвижу возможные осложнения в вопросе охраны.

– Конечно, мы не можем просто нанять Плоскомордого Тарпа и парочку головорезов и рассчитывать, что бандиты оставят нас в покое. В чем будут состоять осложнения?

Мы не дали Паленой шанса забить еще один гвоздь в крышку финансового гроба.

Страфа. Ваша бабушка рассказала об Ужасных компаньонах?

Мои брови взлетели вверх. Брови Паленой проделали бы то же самое, если бы она их имела. Разве Старые Кости не выведал у Страфы все маленькие грязные секреты, оставленные Метательницей Теней? Беспрецедентная осторожность и тактичность.

– Она упомянула о них, однако четкого объяснения не дала. Я знаю, что это сверхъестественные помощники, но не более того.

Как ему удалось не разворотить ментальную почву, когда он топтался по мозговым садам Страфы? Что случилось со старым психическим хулиганом?

– Она намного больше времени уделила обычным Компаньонам. Очевидно, выбор человека, способного противостоять любому давлению, критичен. А разве Ужасные компаньоны – не то же самое, только в сверхъестественном смысле?

Не совсем. Семейные бойцы выбирают Смертных компаньонов сами. Из друзей, как вы и сказали. Их надежность будет к месту. Но в целом они не слишком критичны. Ужасные компаньоны – вот вокруг кого вращаются все турниры.

– Надо же, – как можно саркастичней усмехнулся я. – А старики потрудились, чтобы придать вес полуорганизованной сваре.

Действительно. Вероятно, это связано с узакониванием и облегчением сопутствующей вины.

Насчет полного механизма процесса я не уверен. Как, вероятно, и все остальные. В ранних турнирах участвовали действительно губительные сущности, демоны, если хотите, по одному Ужасному компаньону на каждого Бойца. Они защищали Бойцов и совершали большую часть убийств. Обладали силами своих Бойцов и, зачастую, их жизнями. Некоторые Бойцы не погибали при поражении, но в том, что от них оставалось, не стоило поддерживать жизнь. Для Ужасных компаньонов результат всегда был окончательным. Их силы тоже собирали. Мне не доводилось слышать убедительной причины, по которой они участвовали во всем этом. Должно быть, их принуждали, но как и чем, остается загадкой, вместе с потенциальным призом демонического победителя.

– Да ладно. Это звучит слишком странно, – проворчал я.

– Бабушка действительно сказала мне следить, не появятся ли рядом с Кивенс демоны. Однако она не считала, что они представляют главную угрозу. Она говорит, что царство демонов по горло сыто человеческой некомпетентностью и что появившиеся их представители наверняка окажутся мелкими вымогателями. Демоническими разновидностями карманников, тупыми, как обычная уличная шпана.

– Это что, хорошие новости? – спросил я.

Очень на это надеюсь. Это может быть правдой. Турнир с участием Метательницы Теней, Костемола и Лунной Гнили прошел сдержанно, и я узнал о нем только сейчас. Демонические манифестации и сверхъестественные схватки должны по своей природе бросаться в глаза.

– Насколько я понимаю, у нас полно информации, которая может не соответствовать действительности. Нужно решить, чего ожидать сегодня.

Мы могли бы быстро определиться с этим, если бы у меня был доступ к сознанию вашей бабушки, Страфа.

– Я могу у нее спросить. Сами понимаете, какова вероятность того, что она согласится прийти сюда.

В свое время Покойник продегустировал достаточное количество безнравственной дряни, но я сомневался, что он готов к встрече с Метательницей Теней.

Не бойся, Гаррет. Метательница Теней – скорее лающая городская легенда, нежели кусающая неприглядная история. Она немало потрудилась над своим образом.

Опыт подсказывал довериться его суждению. Но от Бабули меня действительно бросало в дрожь.

– Что думаешь, Весельчак? Стоит ли нам вообще ввязываться? Раньше все рассасывалось само по себе.

В моем сознании возникли лица, сначала – Кип Проуз и Кивенс Альгарда. Потом он показал мне Страфу, глядевшую на меня так, словно она не верила своим глазам.

– Дорогой, ты что, не только туповат, но еще и глуховат? У тебя нет выбора. Мы замешаны в этом деле, нравится нам это или нет. И оказались замешаны еще прежде, чем бабушка попросила тебя повинюхивать. Пожалуйста, пораскинь мозгами.

Надо же.

Видишь?

– Вижу. И как, по-твоему, нам следует действовать?

Не так, как, судя по всему, рассчитывает твоя будущая семья. Это мое личное предположение, подкрепленное четырехсотлетним опытом.

В последовавший разговор он Страфу не включил.

Старые Кости думал, что это нужно решить вне семьи.

Он вернулся к сделанному ранее замечанию, на сей раз подробнее.

Я уже упоминал, что у нас есть ресурсы, уникальные для современного века. Полагаю, по этой причине Операторы их не учли.

– Э-э? – Что бы он ни имел в виду, я тоже этого не учел.

Негласный Комитет. Он был создан именно с этой целью.

– Да! Ха! – рассмеялся я. Чистая правда. Возможно, мне удастся прервать все турнирные ужасы визитом в один офис, если я смогу быть достаточно убедительным. – Дил Релвей придет в ярость!

10

Вечер выдался дождливым, но без ветра. Потом дождь перешел в морось, которая скорее нагоняет тоску, а не мочит: равнодушная погода, заставляющая мир казаться холоднее, а людей – желать как можно скорее очутиться под крышей, поближе к огню. Затем прояснилось.

Приятно проведя время на Макунадо, мы со Страфой расстались. Она хотела полетать, заглянуть к своей бабушке и попытаться убедить людей, которых мы там видели, навестить Покойника. Мы договорились встретиться завтра днем у нее дома.

После обильного завтрака в неуместно ранний час я направился в Аль-Хар. Снова шел дождь. Я плотнее закутался в парусиновую куртку. Ветер дул мне в спину, и я сосредоточился на желании в недалеком будущем обзавестись шляпой с более широкими полями, особенно сзади. Сидевшая на моей голове в настоящий момент не защищала от дождя, стекавшего за шиворот.

Люди на улицах трудились, невзирая на время и погоду. Я пожалел их за то, что им приходится работать, потом пожалел себя за то, что мне приходится бродить под дождем, когда по справедливости я мог бы и пальцем не шевелить.

Уродливая грязно-желтая громада Аль-Хара, штаб-квартиры Гражданской Стражи Танфера, выступила из тумана. Им следовало бы ее покрасить. Или сделать что-нибудь еще, чтобы не так резала глаза.

Я протопал мимо ряда молодых тополей, которые, когда вырастут и зазеленеют, немного прикроют уродство, и поднялся к похожему на туннель боковому входу, наконец-то укрывшись от дождя. Внимательно изучил деревья. Они многое говорили о Гражданской Страже. Провозглашали начало эры закона и порядка. Призывали смельчаков попробовать пустить собственность Стражи на дрова.

Город лишился практически всех деревьев за пределами Королевского дендрария – их использовали, чтобы согреться, нищие и беженцы, прежде чем эпидемия закона и порядка поразила весь город.

– Могу ли я вам помочь, сэр?

Голос прозвучал из-за маленького зарешеченного окошка в левой стене туннеля, который перекрывали древние массивные деревянные двери. Сквозь прутья на меня смотрела симпатичная брюнетка. Не так давно я бы с энтузиазмом сообщил, что да, она действительно может мне помочь некоторыми интересными способами. Теперь я употребил джентльменские навыки, которые начал оттачивать после того, как Страфа предъявила на меня права с полной поддержкой верного и ужасного клана Альгарда.

– Да, мадам. Меня зовут Гаррет. Я обладаю секретной информацией, которую должен лично передать генералу.

Молчание растянулось на несколько ударов сердца. Она прижалась лицом к решетке. Проклятие, какие красивые глаза.

– Гаррет, вы сказали?

– Гаррет. Да, мадам. Тот самый Гаррет.

– Что ж, вы достаточно большой. И выглядите так, будто могли служить в морской пехоте. Давным-давно.

Она не могла не знать, кто я такой. Все в Аль-Харе знают Гаррета. Гаррет уникален...

– Утратили форму, верно?

– Простите?

– Извините меня. Вы не соответствуете описанию.

– Что?

– А еще я думала, что вы симпатичней. И не такой помятый.

– Такой уж у меня характер! – Что за чертовщина? – Мне жаль, что я обманул ваши надежды. Слушайте, не то чтобы я испытывал дефицит времени, но к словесным оскорблениям я не готов. И стоять под дождем тоже. И я думаю, что меня могли преследовать. Не исключено, что они спонтанно решат попробовать остановить меня, когда поймут, куда я направляюсь.

Про слежку я придумал. Может, это заставит ее пошевелиться.

– Извините. Просто я удивилась, что вы не гигант. Здесь вы в безопасности, если будете держаться за бойницами. Я сейчас вернусь.

Железная пластина опустилась перед железными прутьями. Я протестующе рывкнул, но заткнулся, услышав скрип тетивы арбалета, натягиваемой за одной из бойниц.

Меня никто не послушает – и еще меньше народу поинтересуется, что я могу сказать.

В десятке футов за моей спиной проход перегораживали массивные деревянные двери, обитые железом. Но стены здесь не такие уж толстые. Аль-Хар только притворяется крепостью. Внешние стены здания являлись задними внутренними стенами камер и кабинетов, хотя уличная каменная кладка могла противостоять значительным нагрузкам. Ширина коридора составляла восемь футов. В левой створке дверей имелась дверца, настолько узкая, что мне пришлось бы протискиваться в нее боком.

Эта узкая дверца приветственно распахнулась.

Я часто посещал Аль-Хар, обычно по делу, иногда – в качестве невольного гостя. Я не пользовался этим входом с тех пор, как они установили приветственное окно и дверцу. А вот бойницы были всегда, вместе с парнями, надеявшимися, что уж сегодня-то им доведется использовать арбалет по назначению. Я протиснулся в дверцу, думая, что за ней ждет пара стражников, желающих обыскать меня, прежде чем вести к генералу.

Вместо этого я оказался в вертикально стоящем гробу. Прежде чем успел передумать, дверца с лязгом захлопнулась.

Я не люблю тесные пространства. Совершенно. Терпеть их не могу. Чудо, что я сохранил способность мыслить здраво. Я позволил себе только один долгий девчачий взвизг, после чего сосредоточился на подборе творческих эпитетов для безродных сук, которые...

Клик! К-р-р-чанк! Скр-р-р!

Задняя стенка гроба скользнула в сторону.

Я прервал свой монолог. Некоторые стражники излишне чувствительны.

С возрастом я становлюсь все умнее. А может, у меня развилась аллергия на дубинки.

За дверью обнаружились четыре жестяных свистка. Трое моего размера, чуть выше шести футов, чуть тяжелее двух сотен фунтов колышущихся... мускулов, все покрытые шрамами. Четвертый – большой парень, вероятно, завтракавший кирпичами, вымоченными в кислоте. При себе у них были цепи и дубинки, палки с крючьями и по крайней мере одна утяжеленная метательная сеть.

– Простите, парни! Возможно, я перевозбудился. Я пришел сообщить...

Они меня проигнорировали.

Большая дверь, к которой не крепился гроб, со скрипом распахнулась. Ой-ей. Я заметил, что свистки были одеты по погоде. Они отправлялись за моими воображаемыми преследователями.

Я стиснул зубы, припоминая, сколько раз матушка говорила мне, что человек узнает значительно больше и быстрее, когда не раскрывает пасть, чтобы обмануть кого-то с молотком.

Мама была святой и мудрой женщиной. И еще кое-какой, при воспоминании о чем я до сих пор прихожу в смущение.

Появилась сидевшая за окошком женщина. В качестве портрета она мне нравилась больше, чем целиком. Вся ее нижняя часть оказалась слишком широкой, слишком пухлой, слишком неадекватной или просто странной.

Это была личность.

Возможности провести более тщательное исследование мне не дали. Она привела не Уэстмена Тупа.

Этот парень был низким. Уродливым. Отряды авантюристских нелюдей всласть попрыгали по его родословной. Большинство явно отличалось скверным характером и врожденной подозрительностью, поскольку их потомок вечно пребывал в плохом настроении и все время что-то подозревал.

Однако в данный момент в меньшей степени, чем обычно.

Что не улучшило мое настроение и не смягчило намерение проявлять подозрительность.

11

Передо мной был Релвей собственной персоной, начальник Негласного Комитета Королевской службы безопасности. Большинство людей не узнало бы его, даже если бы он начал хватать их за лодыжки, однако я пару раз сталкивался с ним лбами. Релвей улыбался. Это было настолько непривычно, что я даже проверил, не обчистили ли мои карманы.

Поздно думать о пути к отступлению.

Маленький уродец обладал большей реальной властью причинять вред, чем разве что королева подземного мира. Он мог запугать самого короля и всех разумных обитателей Холма. Задели Дила Релвея? Готовьтесь навсегда покинуть сцену. Наступили ему на ногу? Вполне возможно, что вас никогда и не существовало.

Только безумные обитатели Холма и преступные главари-лунатики, вроде семейства Контагью, не боялись Дила Релвея.

Белинда Контагью, возглавляющая Синдикат, обладает такой же властью, как и Релвей, и еще большим количеством людей для проворачивания грязных делишек.

В глубине души начальник Релвей желает переименовать Негласный Комитет в Комитет по Государственной Безопасности. Но как его ни назови, это тайная полиция.

В вопросах правоприменения для Релвея не существует никаких ограничений. Я ни разу не видел, чтобы он злоупотреблял своим положением ради собственной выгоды, но мошенникам лучше ему не попадаться. Равно как и взяточникам. Релвей никак не может уяснить тонкие моменты, связанные с взятками. Похоже, он уверен, что требование взятки равносильно желанию иметь сломанные пальцы.

– Нервишки шалят, а, Гаррет?

– Мне это свойственно, когда люди выходят из образа.

Он понял. Его ухмылка стала еще шире. Спутница Релвея нервничала не меньше меня. Она бочком пробиралась к своему посту, надеясь оказаться вне зоны досягаемости, когда Релвей придет в себя.

– Просто я в хорошем настроении, Гаррет, – сообщил он мне. – Испытываю удовлетворение. Разумеется, если только вы не собираетесь упреждающе ввести нас в заблуждение.

Ясно. Настоящий Дил совсем рядом. Вот только...

Ага, ну вот и он. Релвей провернул нож, вновь широко ухмыльнувшись.

– Хеления говорит, вы хотите сообщить о незаконных действиях. Потрясающе. Я начинаю питать надежду, что мы таки до вас достучались. – Пауза в несколько ударов сердца – для вящего драматического эффекта, а не в ожидании ответа. – Но больше всего меня радует тот факт, что вы привели ко мне Престона Уомбла. – Он ткнул правой рукой в стражников, которые вернулись с улицы вместе с маленьким лысым человечком самого дурацкого облика, готовым разрыдаться.

– А? – уточнил я.

– Это он вас преследовал.

Здоровяк, державший Уомбла за правое предплечье, доложил:

– Говорит, работает со вчерашнего вечера, босс. Подцепил Гаррета на Холме прошлой ночью.

Похоже, Престон Уомбл, которого я придумал, чтобы привлечь внимание, не собирался держать рот на замке.

Крякнув, начальник сказал мне:

– Вы привели его к нам, чтобы мы его выпотрошили. Набираете очки, Гаррет! Я давно хотел поболтать с Престоном, однако его подруга всегда чуяла нас, прежде чем мы могли захлопнуть ловушку.

– А? – повторил я. Почему я не заметил Уомбла? Неужели настолько отвлекся, что не распознал хвост?

Очевидно.

Это было плохо. В первую очередь – для моей работы.

Один из стражников помельче сообщил:

– Он был не один, шеф. С ним была Элона Мьюриэт.

– Ну разумеется. Но она скрылась, – ответил Релвей. – Конечно, скрылась. Как обычно. Придется удовлетвориться Престоном. – Нахмурившись, он посмотрел на лысого человечка, распластавшегося по стене, точно слизняк, посыпанный солью. Потом снова обратился ко мне: – Мьюриэт такая скользкая, что когда-нибудь выскользнет из собственной шкуры.

Я понял, что не могу сказать ничего осмысленного, но все же проскрипел:

– Кто эти люди? Никогда о них не слышал.

– Отборные ягодки нового урожая отбросов общества, вызревшего в ваше отсутствие.

По некоторым причинам – преимущественно связанным с женщиной, предшествовавшей Страфе – я оставил жизнь, полную приключений, пока не ввязался в неприятности, в результате которых Страфа похитила мое будущее. Мы были знакомы и раньше, но эмоциональные обстоятельства не позволяли проявить наш обоюдный интерес.

– Э-э.

– Люблю людей, которые умеют вовремя промолчать. Ладно. Детали. Престон и Элона – свободные наемники. Их нельзя назвать парой. Возможно, взаимовыгодные партнеры. Они не всегда работают вместе. Не любят перенапрягаться. Похожи на вас. Проныры. Престон весьма предприимчив в быстро меняющихся обстоятельствах, но не слишком хорош в стационарной обстановке, например, на допросе. Он расскажет, почему следил за вами, если знает. Или хотя бы сообщит, кто ему за это заплатил.

Любопытный момент: Релвей назвал их отбросами, а потом уточнил, что я с ними – одного поля ягоды. Я это запомню.

– Престон уже поет, шеф, – подал голос один из мощных парней Релвея. – Их с Мьюриэт наняли следить за этим парнем, чтобы узнать, куда он отправится и с кем будет говорить.

– Имена?

– Порочная Мин.

«А?» – читалось в глазах Релвея.

– Кто?

– Еще одно не знакомое мне имя, – заметил я.

– Марти? – Релвей обеими руками поманил стражника к себе.

– Престон говорит, женщина средних лет, очень крупная, в роду были гиганты, зубы как у пираньи, которая не научилась их чистить, дыхание под стать мордахе, скверный характер. И плохое чувство стиля. Говорит, ему очень жаль, но он был так напуган, что не рассмотрел ее как следует. Говорит, Мьюриэт расскажет больше, когда мы ее поймаем.

– Как будто это когда-нибудь произойдет, – фыркнул Релвей. – Ладно. Надерите ему задницу. Пока нам не в чем его обвинить, потому что тупость – еще не преступление, но мы можем задержать его по подозрению, или с целью защиты, или еще зачем-нибудь.

Маленький уродец смерил меня оценивающим взглядом, словно считал, что мне самое место в камере рядом с Уомблом. И, возможно, всерьез обдумывал эту мысль, хотя бы потому, что над «вольными стрелками» нет адекватного государственного контроля. Затем сказал:

– Итак, Гаррет, вы считаете, что существует связь между тем, что вы хотите сообщить мне, и фактом, что некие интеллектуальные родственнички сели вам на хвост?

– Возможно. Но не знаю, в чем причина.

Хрена лысого я не знал, учитывая мою связь с Альгардами. Мне доставалась не только любовь Страфы. Вместе с ней я получал все причитающееся семейству с Холма – или по крайней мере край их пыльного облака.

12

Стражники забрали Престона в его новый номер. Более гостеприимный начальник Релвей отвел меня в свою личную квартиру, также служившую его рабочим местом. Прежде чем он добился своего нынешнего положения, здесь располагались две тюремные камеры. Релвей убрал несколько решеток и запер дверь одной из камер. Уединением тут и не пахло, хотя поблизости никого не было.

Я чувствовал себя неудобно, хотя неоднократно бывал у Релвея. Тот осознавал мой дискомфорт и наслаждался им. Однако удержался от искушения предложить представить себе, каково жить здесь на постоянной основе.

Дил Релвей знает, что кроме него ни один человек в мире не является достаточно честным и надежным, чтобы не заслуживать тюремной камеры. Дил Релвей – единственный столп идеальной непогрешимой добродетели.

Я преувеличиваю, но не слишком.

Его терпение, терпимость и самоконтроль позволяли предположить, что он что-то задумал. И считал, что я могу помочь. Однако Релвей не стал сразу ничего объяснять. Он медлил.

– Генерал Туп сегодня отсутствует, поэтому Хеления пришла ко мне, – сказал он. Сделал паузу. Я тоже хранил молчание. – Она говорит, вы наткнулись на новую преступную инициативу.

Неужели какие-то из моих слов навели женщину на эту мысль? Возможно, она это услышала или выдала Релвею после того, как мое сообщение переварилось в ее голове. Однако предположение было здравым. Именно по этой причине я пришел в Аль-Хар.

– Давайте я сначала расскажу, а потом вы будете задавать вопросы.

– Я слушаю. – Он опустился в кресло с тощей обивкой и сцепил руки под подбородком.

Я уже говорил, что Релвей меня нервирует. Как и все психи. Он, в теории, хороший парень, но абсолютно безумен. Смертельно безумен.

Подергивание правого уголка рта свидетельствовало о том, что он понимает, какой эффект производит его поведение. И наслаждается моим дискомфортом.

Я поведал мою историю. Ничего не утаивая. Релвей не настолько сумасшедший, чтобы докучать друзьям Метательницы Теней. Он не прерывал меня, в ходе рассказа продемонстрировав впечатляющую коллекцию выражений лица; затем отдал дань своему естественному недоверию, спросив:

– Что вы утаили?

– Ничего. – Иногда я кое-что недоговариваю. Мы оба это знаем. Он всегда пытается меня на сей счет, а я всегда лгу, утверждая, что не стал бы так поступать. – Правда, честное слово, клянусь на вашем любимом религиозном трактате. Никогда не слышал об этой чертовщине раньше. Погодите. Может... Ну да. Можно сказать, я упустил тот факт, что Метательница Теней, Костемол и все прочие, вероятно, не хотели бы, чтобы я обращался к закону.

– Это я учел.

В ответ я поднял бровь.

– Люди с Холма считают себя выше закона. Но не вижу причины, по которой они могли пустить по вашему следу Престона и Элону.

– Я тоже.

– Вы занимаетесь чем-то еще?

– Нет. Только Страфой.

– Бегущей По Ветру. Завидую вам, Гаррет, искренне завидую. Обращаться по имени к... Ладно, забудьте. Вы уверены, что это всё? – Он задумчиво умолк.

Я нарушил молчание.

– Престон Уомбл. Элона Мьюриэт. И Порочная Мин. Я правда никогда не слышал о них. Но прошлым вечером, направляясь со Страфой на Макунадо-стрит, я учуял Лазутчика Фелльске.

Фелльске тоже занимается слежкой. Он – гений невидимости. Будто призрак. К сожалению, у него также аллергия на мытье.

Релвей пренебрежительно махнул рукой.

– Таких, как он, множество. – Имея в виду меня. – Вы по-прежнему работаете на пивоварню? Какие-то связи с ней?

– Кто захочет иметь дело с Максом Вейдером?

Когда требуются финансовые средства, чтобы навязать свою волю, пивной король могущественен, как главарь Синдиката и начальник Релвей вместе взятые. Но Макс этим не занимается, если его не трогают. Однако глупцов у нас всегда в избытке.

– Значит, обычное мелкое воровство.

– Никогда не переведется, хотя сейчас и пошло на спад. Я тщательно выполняю свою работу, а Макс – хороший босс, и заниматься особо нечем. Никто не хочет рисковать своим местом ради мелочи.

– Я догадался. Как насчет ОПК и Тейтов? Это щекотливый вопрос.

Который я предпочел бы не обсуждать. Но:

– Да, здесь были сложности.

Объединенная производственная компания изготавливает устройства, которые изобрел Кипрос Проуз, Кип. Я владею небольшой долей в ОПК и являюсь начальником охраны с момента его возникновения. Макс Вейдер и Кип – серьезные акционеры, однако заправляют делом Тейты. Я долгое время встречался с одной из девиц Тейтов. По этой причине Кип получает от них финансовую и производственную поддержку. Имели место драма, эксплуатация на высшем уровне и презрение со стороны прочих Тейтов. Потом на сцене появилась Страфа.

– Могу себе представить, – сказал Релвей. – Как сильно они хотят от вас избавиться?

– Мой уход разобьет немного сердец.

Он кивнул и снова сцепил пальцы.

– Но они не могут просто выставить вас вон, верно? Это огорчит Макса Вейдера. И вместе с вами может уйти Кипрос Проуз.

– Насчет этого не уверен. У Кипа все серьезно с Кирой Тейт.

– Которая, если не ошибаюсь, тоже ваша подруга.

– Свет во тьме. – Я уловил ход его мыслей. Вполне правдоподобно. Престон со своей приятельницей и Мин могли иметь отношение к прошлому, а не к настоящему или будущему.

– Стариканы и дядюшки – эти ребята поклоняются чистой прибыли. Они это проглотят и оставят вас при себе, потому что вы знаете свое дело.

– Спасибо, сэр.

– А лучше всего вы знаете, как довести окружающих до белого каления. Что насчет молодых Тейтов? Чувства которых вы задели? Они способны за вами шпионить?

– Способны? Безусловно. Будут ли этим заниматься? Нет. Тинни не станет меня преследовать. Она капризна, раздражительна и вздорна, но не в большей степени, чем другие невротики. Кира? Исключено. Ее интересует только Кип. А парни рады, что я ушел. Больше не приходится за меня объясняться.

Релвей задумчиво потер кончики пальцев друг о друга.

– Думаю, не стоит принимать Тейтов в расчет. Уомбл, Мьюриэт и Мин должны иметь отношение к Турниру мечей.

Нахмурившись, Релвей выглянул в коридор. Откуда-то доносился шум.

– По зрелом размышлении, я склонен согласиться. Но есть еще кузина, Роза Тейт, паршивая овца со съехавшей крышей. Могла ли она попытаться взяться за начальника безопасности теперь, когда он лишился семейной протекции? Стала бы она пробовать избавиться от вас, если бы думала, что удастся сделать это и сохранить Кипроса Проуза?

Угол его рта снова подергивался. Он только что продемонстрировал мне, что прекрасно разбирается в происходящем в ОПК и семействе Тейтов. Он знал, что овечка Роуз склонна к поступкам, от которых семья хотела бы оградить других акционеров.

– Розу нельзя исключать, – осторожно признал я. – Вероятность мала, но существует.

– На мой взгляд, это наиболее разумное объяснение.

– Если только дело не связано с турнирной дурью.

– Если только. О чем, я полагаю, мы скоро узнаем. Мне представляется, этот шум связан с тем, что Уомбл рассказал все, что знал.

Люди ожесточенно спорили приглушенными голосами, которые медленно приближались. Один настаивал, что начальник велел его не беспокоить. Другой возражал, что имелось прямо противоположное распоряжение. Кажется, этим вторым была грушеобразная Хеления.

Релвей подобрался, готовясь к их появлению.

– Ваши друзья с Холма знают, что вы здесь? Какое это имеет значение?

13

Все должно было измениться. Пойти перпендикулярно тому, как шло до сего момента.

Едва я закончил качать головой, как перед берлогой Релвея возникла Хеления. Начальник уgomонил своего незадачливого привратника и подозвал женщину. Бросив на меня испуганный печальный взгляд, она поспешила к боссу, нагнулась, приложила руку к его уху и энергично зашептала.

Посмотрев на эту парочку, я задумался, не является ли необычная внешность женщины результатом тех же покушений на семейное дерево, плодом которых явился Дил Релвей.

– Дерьмо, – невыразительно произнес Релвей. Это было настолько для него нехарактерно, что он с тем же успехом мог бы завизжать. Начальник повернулся ко мне, стараясь сохранить на лице безразличное выражение, но я понял: что-то не так. Что-то определенно пошло не так.

– Что? – спросил я.

Релвей втянул в грудь несколько галлонов воздуха.

– Не буду ходить вокруг да около. Не поможет. Поток Яростного Света убита.

А?

Это было как... Не знаю что. Нет. Не может быть. Этого не могло случиться. Зачем он так со мной?

– Что? – Может, я ослышался? Может, он находился в другой вселенной? Или что-то вроде этого. Он говорил о чем-то невозможном, а следовательно, происходило нечто невозможное. – Я не понял... не понимаю... этого не может быть. – Все это знают. К чародейке вроде Страфы нельзя подобраться, чтобы убить ее. – Убита?

– Убита в результате нападения. На улице перед собственным домом.

Засада? Я знал отличное место и время. В тот момент, когда ты возишься с калиткой, чтобы войти внутрь. Вот только... Для чего Страфе пользоваться калиткой? Она бы прилетела домой по воздуху.

– Деталей пока нет. Но она была не одна. Ее спутница серьезно пострадала, но выжила.

– Однако может умереть, – добавила Хеления, уставившись в грязный каменный пол и, возможно, отвлекая себя планами по уборке. – Вскоре мы получим больше информации.

Разумеется. Нападение на обитателя Холма, особенно с таким статусом, как у Страфы, заставит Стражу бросить все прежние дела.

Мои чувства онемели. Я не знал, о чем думать. Не знал, что делать. События повернулись невообразимым образом. Я переживал тяжелые времена, особенно во время войны, но меня никогда не били между глаз так внезапно, злобно и неожиданно. Даже когда нас покинула матушка, это произошло не мгновенно. У меня было время соорудить душевную защиту.

Почему-то я вспомнил гражданских, чьи дома и жизни лежали в руинах, опустошенные, после того как по их части света пронеслась война. Потерянные души, все до единой, всякий раз.

Я попытался напомнить себе, что мы, люди, стойкие создания. В конце концов большинство из нас возвращается.

Попытался – но не слишком в этом преуспел.

– Гаррет.

– Э. Э-э?

– Вы должны отправиться туда и выяснить, что произошло на самом деле. Отчеты могут ошибаться.

Первые отчеты часто содержат ошибки. *Обычно* содержат ошибки. Да! Возможно... Ошибки не было. В глубине души я это знал.

– Да. Наверное.

Но я остался сидеть. Просто сидеть, уставившись в никуда, без единой мысли в голове.

– Вероятно, вы можете что-то сделать. В семейном смысле, – уточнил Релвей, поскольку Страфе было уже не помочь.

– Да. Наверное, – ответил я после затянувшейся паузы. Поднялся, по-прежнему сосредоточенно глядя на далекий горизонт.

– Хеления, найди Мишень, – приказал Релвей. – Скажи ему привести Уомбла. Гаррет, подождите. Я отправлю с вами кого-нибудь. Возможно, это работа для моего отдела.

Я остановился. Потрясенный и онемевший, я все-таки осознавал, что он хочет присмотреть за мной. Но в таком состоянии я был способен лишь делать, что говорят, причем медленно, или не делать ничего вовсе. Я понял это на войне.

Хеления вернулась через несколько секунд, с человеком, который пытался не пустить ее к начальнику. Кажется, здесь имели место некие взаимоотношения. А где их нет?

– Займет всего несколько минут, – сказал Релвей. – Знаю, вы все это уже видели, даже если не испытывали сами. Вскоре ступор пройдет, и вы впадете в ярость. И тогда нужно будет внимательно следить за собой, чтобы не натворить дел. Придется контролировать себя. Если случившееся связано с вашим проклятым турниром, Гражданская Стража с этим разберется.

Я посмотрел ему в глаза. И не понял, какого они цвета, хотя знал, что они должны быть... карими? Я по-прежнему испытывал опустошенность, однако Релвей разглядел что-то за пустотой. И это что-то его сильно нервировало.

Он знал, что у злого Гаррета не следует вставать на дороге. Я раскочегариваюсь не сразу, но потом...

– Не делайте ничего такого, что поставит вас по другую сторону закона, Гаррет.

Я вырос в Танфере. До недавних пор правосудие здесь являло собой кустарное производство. Ты творил его сам. Старые привычки не уйдут лишь потому, что какой-то мечтатель желал, чтобы я соответствовал его идеалам.

Но я не стал с ним спорить.

Вскоре появился громадный стражник – из тех, что поймали Престона Уомбла. Пленника он тащил за собой. Громила остановился перед камерой Релвея.

– Готов, босс, – сообщил он. – Что нужно?

Уомбл посмотрел на меня и побледнел.

Я не осознавал этого, однако вторая стадия постепенно набирала ход.

– Отведи мистера Гаррета домой, – приказал Релвей. – Я хочу, чтобы вы оба держались рядом с ним. Ты меня понял, Уомбл?

– Да, сэр, я понял, начальник, да, конечно. В течение какого времени мне следовать этим инструкциям, сэр? Какова будет моя функция?

Очевидно, Уомбл принадлежал к тем людям, которые продвигаются очень далеко крошечными шажками.

– Мы скажем, когда закончим. Твоя задача – присматривать за Гарретом. Делать все, чтобы он был здоров и счастлив. А также выполнять приказы Мишени.

– Да, сэр, начальник. Я прекрасно вас понял, сэр.

– Тогда шевелись. Гаррет, я жду, что вы будете себя контролировать. Надеюсь вскоре увидеть вас с отчетом. Мне нужно заниматься местными делами.

И на этом мы расстались, немного скомкано из-за моего состояния.

14

Я не стал интересоваться у Мишени, откуда взялась его кличка. Я сам побывал на войне и предполагал, что причиной тому были его габариты и склонность притягивать вражеский огонь. Этому парню определенно не нравилось его прозвище, но перечить начальству он не хотел.

Мишень отвел нас к выходу, через который я попал в Аль-Хар, бормоча себе под нос что-то насчет чертовой бабы, которая слишком медленно шевелилась и которой следовало прекратить играть в свои чертовы игры с чертовым придурком Мерримэном...

Я почувствовал запах лошадей прежде, чем услышал или увидел приближающихся монстров, с их пылающими злобой глазами и клыками, как у матушки всех соплезубых тугров... У меня серьезная проблема с лошадьми. Точнее, у лошадей – со мной. Я готов жить и дать жить другим, а они готовы сделать все возможное, чтобы моя жизнь закончилась как можно скорее. Лишь тогда они оставят прошлое в покое, чтобы жить и дать лежать в могиле другим.

Эти клячи были еще ничего. Из их ноздрей не валил дым. После единственной волны презрения зверюги решили меня игнорировать.

Мои спутники не обратили на монстров внимания. Мишень лишь держался поближе к Уомблу на случай, если у того случится приступ идиотизма и он предпримет попытку к бегству. Хеления и старый стражник, которому предстояло выполнять обязанности кучера, отправились за парой грязных демонов. Каждый привел одного. Намордников на них не наблюдалось. Экипаж был невелик, с эмблемой, но не служебной.

Хеления заметила мой интерес.

– Мы конфисковали его по закону о вымогательстве.

М-м. Ну да. Отличная идея. Дайте жестяным свисткам власть отнимать что угодно у кого угодно на основании обвинения в преступных действиях. Слишком большой соблазн даже для прямолинейного Дила Релвея.

– Мы подумали, вам не следует гулять в одиночку, – сказал мне Мишень.

Тут он попал в точку.

Итак. Он или Хеления – или оба – были склонны к мыслительной деятельности, несмотря на свою наружность.

Я надеялся, что наружность экипажа окажется столь же обманчивой.

Он словно принадлежал злобной старшей сестрице Метательницы Теней. Беспросветно черный, украшенный резными тварями, способными довести до истерики адептов вуду, и без рессор. Если поедem по плохим улицам, прогулка может оказаться менее болезненной.

– Давайте двигаться, – сказал Мишень. – Ты первый, Уомбл.

Хеления открыла левую дверцу. На ней был вырезан герб, но при таком освещении я не мог его рассмотреть. В любом случае не слишком-то и хотелось мне это делать. Он мог усугубить кошмары, которые и так являлись благодаря будущим родственникам.

Хеления загнала меня вслед за Престоном, потом залезла сама. Внутри экипаж был изящно отделан шелком и кожей. Надеюсь, овечьей, а не человеческой.

Места хватило бы для четверых, если бы трое из них оказались хоть в половину меньше меня. Уомбл занимал не так уж много пространства, а вот Хеления была широка в нижней части, да еще и прихватила с собой большой кожаный саквояж.

– Попробую взять показания очевидцев, – объяснила она.

Я мысленно пожелал ей удачи.

Даже если ты умеешь быстро писать, показания очевидцев никогда не совпадают.

Я услышал скрип – Мишень открыл ворота.

Старик произнес что-то на лошадином языке, вероятно, обещание скормить меня адским тварям, если они будут выполнять его приказы. Экипаж дернулся. Мы с Престоном сидели спиной по направлению движения. Я чуть не упал на колени Хелении.

Через тридцать футов экипаж остановился. Снова заскрипели ворота. Старик вскарабкался на место кучера, заставив сооружение покачнуться и завизжать. Сквозь боковые окна начала просачиваться влага, но они были закрыты. Я выглянул наружу. Дождь немного набрал темп, хотя по-прежнему слабо отличался от бесцельной мороси. И был очень, очень холодным.

Хелении хотелось поболтать.

– Этот экипаж принадлежал кому-то с Холма. Какому-то некроманту. Его сдали собственные родственники, потому что он был совершенно невыносимым.

– По описанию похоже на мою внучатую тещу.

Я цинично подозревал, что в деле переплелись некие вопросы наследств и поместий, которые кто-то хотел решить способом, отличавшимся от прописанных в соответствующих документах. Негласный Комитет не стал бы участвовать в подобных играх, но команда Релвея по-прежнему составляла лишь незначительную часть сердца новых правоохранительных органов.

– Начальник пользуется им, когда желает остаться незамеченным, – продолжала Хеления.

Ну да. Конечно. На такое уродство никто не обратит внимания.

Дверь открылась, и возникла физиономия Мишени.

– Все готово?

Никто не стал утверждать обратное. Как в принципе можно ответить на подобный глупый вопрос?

Он толкнул дверь, клацнула защелка. Экипаж просел и закачался, несмотря на отсутствие рессор: Мишень вскарабкался на заднюю приступку для лакея.

Экипаж дернулся вперед.

Я достаточно пришел в себя, чтобы осознать: следует благословить невосприимчивость Мишени к дурной погоде. С ним внутри стало бы совсем тесно.

15

Рядом с домом Страфы не наблюдалось очевидных признаков того, что произошло нечто серьезное. Разумеется, здесь были люди, но дождь отпугнул праздных зевак, а всех остальных Барат увел под крышу. Перед домом тусовалась свора магов-криминалистов, пытавшихся казаться чем-то иным, но их выдавали красные береты Стражи.

Кучер подвез нас к крытому входу. Мишень открыл дверь и помог выбраться Хелении. Появившийся Барат поприветствовал меня нехарактерным объятием.

– Мама уже в пути, – сказал Альгарда. – Она задержалась, потому что хотела сначала предпринять некоторые шаги.

Я сомневался, что меня это интересовало. Слово «шаги» прозвучало отвратительно зловеще.

Барат смерил взглядом Мишень, Уомбла и Хелению, но сохранил нейтральное выражение лица и воздержался от комментариев. На них тоже были красные береты. Повсюду сновали жестяные свистки. Они загнали в угол пару частных патрульных Холма и задавали им неудобные вопросы.

Я посмотрел на Барата, подняв бровь.

– На другой стороне Холма произошел взрыв, – объяснил он. – Они все отправились туда. Этим двоим хватило глупости вернуться. Прочие исчезли.

Их найдут. Им придется объяснить, почему они не справились с работой, за которую получали больше среднестатистического жестяного свистка. В последнее время Гражданская Стража крепко взялась за частных. Те постоянно бездельничали или попадались на взятке, после получения которой смотрели в другую сторону, когда происходило нечто скверное.

Но времена менялись.

В отличие от погоды. Определенно становилось все холоднее, сырее и ветренее. Я махнул Мишени, Уомблу и Хелении.

– Давайте зайдем внутрь. – И добавил, обращаясь к Барату: – Они со мной.

Он промолчал и зашагал к дому.

Я не стал обращать внимание Хелении на то, что она забыла свой саквояж (явно бутаторский реквизит) в экипаже.

Мы еще стряхивали с себя влагу в передней размером с бальный зал, когда пучеглазый Престон ткнул пальцем и недоверчиво провозгласил:

– Это же Порочная Мин!

– Женщина, которая наняла его следить за вами, – напомнил мне Мишень.

Очень крупная дама в очень плачевном состоянии раскинулась на большом столе, специально принесенном для этой цели. Длина стола составляла восемь футов, ширина – четыре. Различные части Порочной Мин свисали по краям. Она была крупной девочкой.

Рядом, на другом столе, лежала Страфа. Она выглядела как обычно. Я осторожно зондировал дупло, где прежде располагался зуб эмоций. Сейчас я работал в боевом режиме, пребывая в состоянии оцепенения и жесткого контроля. Истерика подождет.

Мин потеряла галлоны крови. Кровь покрывала ее тело и стол, скопилась лужицами на полу. Но больше не текла. Женщина отрывисто дышала, однако цвет ее кожи был жутким.

– Почему ею никто не занимается? – спросил я.

– Я занимаюсь, – ответил какой-то парень и быстро отскочил в сторону. Судя по всему, он знал, что делает. Я его не помнил.

Барат доказал, что, несмотря на свой возраст, может проявлять недюжинную прыть. Он неизменно оказывался между мной и кем-либо еще, кому, по его мнению, я мог беспричинно угрожать.

– Сейчас не наша подача. Семейные обязательства – прежде всего, – продолжал напоминать мне он.

Я не совсем понимал смысл его слов, но осознавал, что он хорошо относится ко мне – и намного хуже к тем, кто причинил боль его маленькой девочке.

– Конечно, – отвечал я. – Вы совершенно правы.

Я заметил, что Мишень пытался держаться рядом со мной. Без сомнений, ему велели следить за каждым моим вздохом.

Все внимание Престона Уомбла было поглощено великаншей. Но он старался не путаться под ногами у врача.

Чем занималась Хеления, я не видел.

Доктор подозвал Барата и спросил:

– Вам что-нибудь известно об этой женщине?

– Нет. Я не знаю ее. Тэд, это Гаррет. Муж Страфы. – Он опустил слово «несостоявшийся».

– Приятно познакомиться. Ее знает Престон.

Тэд решил воспользоваться самой бессмысленной формулировкой:

– Сожалею о вашей утрате, мистер Гаррет. Я знал Страфу не так хорошо, как хотел бы, но она была прекрасной женщиной. Да. Здесь произошло преступление.

Что поделать. Люди не всегда справляются со словами.

Тэд кинул на Барата взгляд, подразумевавший, что его восхищение Страфой не распространялось на других членов клана Альгарда. Я не удивился, когда значительно позже Барат рассказал мне, что в свое время доктор Тэд был серьезно увлечен Страфой.

Похоже, увлечение не прошло бесследно. Тэд активно взялся за Престона. Он пришел в ярость, когда Престон смог сообщить только имя Порочной Мин и тот факт, что она была богата и щедро распоряжалась деньгами. Я вмешался, чтобы спросить, не расскажет ли нам больше Элона Мьюриэт, если мы ее отыщем.

Престон так не думал. И очень сомневался, что мы сумеем отыскать его подругу.

Мысль о Паленой мелькнула на задворках моего сознания. Паленая – отличное средство от неуловимости.

16

Я смотрел на женщину, которую похороню всего за несколько дней до нашей с ней свадьбы. Гнев сдержанно kloкотал внутри. До сих пор я избегал беспричинной ярости. Утрата скорее истощила меня и приблизила к вратам отчаяния.

Барат опередил меня на этой печальной дороге. Он завел безразличный, обрывистый разговор о планах на будущее, уведя меня в глубину дома, подальше от посторонних ушей.

– Это связано с тем, что мы обсуждали вчера в доме мамы.

– Это случилось, потому что я пошел в Аль-Хар.

Он обдумал ответ.

– Вряд ли. Это существо, Мин, очевидно, подстерегло Страфу по пути домой. Думаю, Мин намеревалась сказать ей, что ее выбрали Бойцом от клана Альгарда. Вместо Кивенс.

Я держал себя в руках. Мой мозг работал. В некотором роде. Я хотел рявкнуть: «Что?» – и добавить пару фраз насчет того, при чем тут Страфа, если в этих идиотских турнирах всегда участвовали только дети... Но мне хватило выдержки удержаться, осознав, что на самом деле я ни в чем не уверен, что я просто сделал такое предположение, основываясь на разговоре у Метательницы Теней. А еще меня интересовал другой вопрос.

– Откуда вы знаете?

– Я направлялся сюда, чтобы поговорить со Страфой насчет Кивенс, – ответил Барат. – Как раз выходил из-за угла, когда все это случилось. Если бы я не появился, большая женщина тоже была бы мертва.

– Вы видели, кто это сделал?

– Нет. Страфа была в воздухе, но падала. Большая женщина стояла на коленях, ругаясь и держась за грудь, из нее хлестала кровь. Мы разберемся с этим, когда появится мама. Страфа была еще жива. Она просила меня сказать тебе, что очень сильно тебя любит. Попыталась высказать предположение, кто за этим стоит. А потом перестала дышать, и у нее остановилось сердце. Я ничего не смог сделать. Моей силы... – Он замолчал и начал глубоко дышать, чтобы успокоиться.

У него есть этот талант Альгард – умение управлять эмоциями. Становиться ледяным, как смерть, когда требуются спокойствие и расчетливость.

Барат выдохнул.

– Эта была еще в сознании. Пыталась говорить. Назвалась Порочной Мин. Судя по внешности, она гибрид, возможно, с примесью гролля, но я не думаю, что она из нашего мира.

– Значит, этот непонятный турнир еще даже не начался, а заварушка уже идет.

Барат кивнул.

– Да. Вряд ли это против правил. Не думаю, что можно смошенничать, по крайней мере так говорит мама. Но можно приблизиться вплотную. Отбор участников только начался, а вероятный победитель уже мертв, его Ужасный компаньон умирает, а Смертный компаньон, то есть ты, сломлен горем. Отличный старт.

Я попытался вызвать молодого Гаррета, который полз сквозь кишасшие змеями и крокодилами болота, чтобы прикончить кого-нибудь. Тот Гаррет вечно трусил, но никогда не терял самообладания. Он делал то, что требовалось в данной ситуации.

Однажды морской пехотинец...

17

Метательница Теней появилась, пока я размышлял над тем фактом, что Операторы сочли меня закадычным другом Страфы. Формально – ее Смертным компаньоном.

В этой убийственной игре было много формальностей.

Старая колдунья прибыла в столь мрачном настроении, что все, кто не являлся членами семьи, начали ускользать под благовидными предложениями. Ее репутация гремела на все королевство.

Первыми испарились красные береты, включая Мишень, который, похоже, удовлетворился сдачей меня с рук на руки, невзирая на приказ начальника. Престон Уомбл исчез еще быстрее, и никто не заметил его отсутствия, пока я не осознал, что в последний раз видел его склонившимся над Порочной Мин, словно он хотел поцеловать ее на прощание.

Доктор Тэд ушел одним из последних.

– Я сделал что мог, то есть почти ничего, – сказал он Барату. – Возможно, эта женщина – существо сверхъестественной природы. Вероятно, ваши люди поработают здесь с большим успехом.

Смысл его слов был очевиден. Он имел в виду людей вроде Метательницы Теней, которая обособилась от прочих сразу по прибытии. Или сопровождавшего ее Костемола. Или Тару Чейн Махткесс. Я не знал, какова ее роль и какими темными силами она обладает. Страфа не объяснила, а я не догадался спросить.

Из прощальных слов Тэда я понял, что хотя доктор жил на Холме, он не являлся частью того общества, которое делало Холм Холмом. Обычный врач. Возможно, один из лучших, раз обслуживал столь избранную клиентуру, но не человек, окунувшийся во тьму.

Как и Барат. Семейный талант его не затронул. Не знаю почему. Может, он ошибся с отцом. Может, талант перескакивал через поколения. Кивенс тоже не обладала мистическими умениями.

Когда посторонние иссякли, Метательница Теней ненадолго появилась, чтобы пригласить нас в комнату, которую Страфа называла библиотекой. Вообще-то здесь было не слишком много книг, хотя мне они казались достаточно многочисленными. Паленая с ума бы сошла от счастья, пападись ей в лапы местные труды по экономике.

Вынужден признать, несостоявшийся супруг Страфы находил книги немного опасными, хотя изредка и читал их.

На сей раз ужасная колдунья не собиралась рассиживаться в кресле, наслаждаясь теплом камина и позволив сыну вести переговоры.

– Я распорядилась насчет похорон, – объявила она, продемонстрировав причину, по которой предпочитала сама не открывать рот. Писклявый девчачий голосок оказался совершенно не зловещим. Прикройте ее ширмой – и вы решите, что это щебечет симпатичная восьмилетняя девчушка. – Ты будешь присутствовать. Ты. – Она ткнула в меня длинным, толстым, морщинистым, сухим, скрюченным пальцем.

– Мадам? Да, мадам.

Мой ответ развеселил Тару Чейн и Рихта Хаузера. Они решили, что я струсил, потому что рядом со мной не было Страфы.

В этом заключалась доля истины, хотя и меньшая, чем они думали.

– Вы не успели принести взаимные обеты. Однако эта семья будет действовать на основании предположения, что они были принесены. Распоряжения по завершению формальностей отданы. Теперь ты муж Потока Яростного Света, равно в перспективе и по факту. – Ее манера выражаться уравнивала детский голосок. Она словно наводила чары.

Метательница Теней подождала, не найдется ли возражений. Кивенс выглядела кисло, но ей хватило дисциплины не спорить вслух.

Костемол и Махткесс казались озадаченными. Киога, приятель Барата, сегодня молчаливый и незаметный, вообще ничего не понял.

– Когда-нибудь это может привести к значительным юридическим последствиям, – сообщила Метательница Теней. Она посмотрела мне в глаза. – Мы с тобой обсудим все позже, после похорон и войны с теми, кто ответственен за случившееся.

Несмотря на девчачий голосок, каждому виноватому следовало ощутить ледяное дыхание смерти на затылке.

Репутация Метательницы Теней была одной из самых мрачных на всем Холме. Сейчас казалось, что ее мрачность явно недооценили и что столь непроглядной тьмы еще никто не видывал.

Метательница вновь обратилась ко мне:

– Мы не будем совершать очевидных поступков. Ты начнешь охоту после похорон. И не будешь действовать скрытно, как мы решили вчера.

Мы решили? Когда? Я этого не помнил. Может, меня подвела склонность отвлекаться. Или Страфа должна была ввести меня в курс дела, но не успела.

Следовало выяснить, чего конкретно ожидала Метательница Теней.

– Ты найдешь того, кто убил твою жену, – сказала она.

Ну ладно.

– Да. Вне всяких сомнений. Потрачу на это остаток жизни, если потребуется.

– Хорошо. Но ничего не предпринимай, пока мы это не обсудим. И пока действительно не обнаружишь виновника. Не делай ничего. Понятно?

– Мадам?

– Ты хороший человек. Слишком хороший, чтобы грядущие события лежали на твоей совести.

Я открыл рот, чтобы возразить. Я не мог представить себе ничего настолько ужасного. По крайней мере в настоящий момент, в нынешнем эмоциональном состоянии.

Она не дала мне вмешаться. Как обычно. Метательница Теней была настоящим матриархом. По ее мнению, она являла собой душу и разум семейства Альгарда. А мы, прочие, были ногами и пальцами, исполнявшими Монаршию Волю.

– Да, ты слишком хороший. В отличие от меня. – Она закрыла глаза и причмокнула губами.

Согласно городским легендам, Метательница Теней съела кое кого из своих врагов. Она никогда не отрицала жутких слухов, но я считал это скорее психологическим оружием. Сейчас, глядя на нее, мечтающую о бобах с... чем-то еще, я не был столь склонен к скептицизму.

Где-то в глубинах дома, не слишком далеко, раздалось приглушенное *дрын!* Не открывая глаз, старая ведьма сказала:

– В твоём доме шпион, Гаррет. Разберись с ней.

18

Преследование оказалось недолгим. Она услышала последние слова Метательницы Теней и тряслась от страха. Я поймал ее на пути к входной двери – похоже, она пробиравлась через доходившую до лодыжек невидимую грязь.

– Хеления? Тебе следует догнать Престопа и Мишень.

Я совсем о ней забыл. Престон с Мишенью болтались под ногами, а Хеления тем временем полностью пропала из виду. Я и думать о ней забыл. Возможно, потому начальник и ценил ее. Она могла принадлежать к тем людям, что умеют быть незаметными; этот талант бесит, когда ты молод, но является бесценным даром для шпионов и полиции.

У меня был должок перед Хеленией, поэтому я собирался всего лишь выставить ее.

– Прежде чем заметят другие, менее приятные люди.

Я подумал, что самый неприятный человек из всех, вероятно, хотел, чтобы Хеления сообщила новости своему боссу. Очень похоже на Метательницу Теней – заставить Стражу и Негласный Комитет строить за нее козни.

Побледневшая Хеления часто-часто закивала и попятилась к двери. Я проводил ее наружу, сначала охраняя, затем, когда мы выбрались на мощеную подъездную дорожку, просто составляя компанию. За воротами я остановился. Хеления направилась на запад. Я отметил, что уродливый черный экипаж, окруженный красными беретами – в числе которых не наблюдалось Мишени, – ждал ее в двух кварталах по склону. Значит, у моих сопровождающих имелся план.

Я должен был это заметить.

Конечно, меня отвлекли эмоции.

Хеления зашагала быстрее – по мере удаления от дома грязь мельчала. Отпрянув, миновала людей, вышедших из аллеи, что тянулась вдоль поместья.

Я выбросил Хелению из своих мыслей.

Ко мне направлялись девочка-игрушка и гролль, которых мы со Страфой прошлым вечером видели возле поместья Метательницы Теней. Девочка тогда что-то сказала, но меня это не заинтересовало. Случившееся просто вылетело из моей головы.

Они прогулочным шагом поравнялись со мной, глядя в другую сторону. Девочка держала гролля за руку, словно готовясь танцевать павану. Миновав меня, она сказала:

– Я тебя предупреждала.

– Что?

Странная пара продолжила свой путь, в то время как я хватал ртом воздух и пытался заставить водяные мельницы моего мозга крутиться. Я выбрал стратегию, частенько срабатывавшую в прошлом. К черту размышления и планирование. В атаку! Пусть все идет как идет, потом рассортирую обломки.

Когда я пошевелился, гролль вышел из транса и оглянулся. Внезапно Порочная Мин показалась мне миниатюрной. Ближайший глаз гролля пылал красным. Разумеется, игра света – но отрезвляющая. Гроль явно пребывал не в самом дружелюбном настроении.

Водяные мельницы лязгнули. Я вспомнил, что Страфа, намного лучше подготовленная к встрече со странным и сверхъестественным, умерла прямо здесь, на этой улице, в двадцати футах от того места, где я собирался совершить колоссальную, потенциально смертельную ошибку.

Я замер. Секунду смотрел им вслед. Потом развернулся, заставил свои ленивые ноги шевелиться и припустил за Хеленией.

Несколько минут спустя мое новое семейство с удовольствием объяснило мне, что мои мыслительные способности еще не пришли в норму. Мне следовало сразу же позвать

их. Кто-то из них мог оказаться в состоянии что-то сделать. Метательница Теней выглядела крайне заинтересованной, особенно когда я рассказал, что мы со Страфой уже встречали эту пару. Точнее, она выглядела встревоженной, но потом впала в задумчивость, высказав предположение, что эти двое могли быть связаны с турниром, возможно, являться Бойцом и Смертным или Ужасным компаньоном, отрабатывающими некий тактический аспект.

Когда Метательница Теней выкатилась на улицу, с Баратом у ручек кресла, в сопровождении Костемола с пеной у рта и Тары Чейн Махткесс, которая изящно принохивалась, девочка-куколка и ее уродливый спутник исчезли.

– Их запах рассеялся, – сообщила нам Махткесс, глядя на меня так, словно испытывала сомнения в моем интеллекте.

Костемол ощупал мостовую и покачал головой.

– Тепла тоже не осталось.

– Он это не придумал, – ответила Метательница Теней. – Он видел то, что видел. – Она медленно повернула голову и посмотрела на меня глазами-щелочками. – Его слово – золото. – Когда мы шли обратно по дорожке, она сказала мне: – У тебя появилась ниточка. Выясни, кто эта девчонка, а потом дерни.

У меня нашлись бы свидетели. Хеления и красные береты видели странную пару. Но их услуги не потребовались. Я был мужем Страфы. Я был своим. Меня приняла Метательница Теней, и никаких сомнений в этом не осталось.

Да-да.

Но это было уникальное чувство. Теплое. Меня нечасто поддерживали, мне редко настолько доверяли, даже Дин, Паленая и Пенни.

Правда, мы со Старыми Костями выдрессировали их сомневаться во всем, что лежит на виду, и наши отношения сложились скорее органично, а не драматично.

Вкратце опишу новый военный совет семейного толка. Председательствовала и говорила Метательница Теней. Она повторила свою стратегию.

– Мы ничего не будем предпринимать до похорон. Используем это время, чтобы укротить эмоции и обдумать ресурсы. После погребения мы облачим души в доспехи войны и исправим несправедливость.

Тут она явно недоговаривала. Я представил зреющий в ее мозгу Апокалипсис.

– Мы сожрем Операторов, медленно, кусок за проклятым куском, живьем. Вы всё поняли?

Теперь она отыгрывала свою злобную репутацию, возможно, рассчитывая, что постоянная прислуга Страфы упомянет ее настроение, когда будет сплетничать с прислугой из соседних домов.

Я надеялся, что она выразилась фигурально. Надеялся, что ее репутация преувеличена.

Толкнув жуткую речь, кошмарная женщина раздала поручения, причем некоторые звучали так, словно она действительно собиралась сожрать кого-то. Нам предстояло искать обрывки информации, которые удастся подхватить, оторвать или откопать, пока мы укрощаем свое потрясение, боль и сокрушительную ненависть, ожидая похорон Страфы. Мои задачи оказались в числе самых трудных.

Метательница Теней думала, что мой разум следует чем-то занять.

Я действительно склонен к мрачным мыслям, когда дела идут плохо.

19

Мое настроение нельзя было назвать хорошим. Этот день оказался самым безрадостным в моей жизни.

Я смотрел на гроб со стеклянной крышкой и жалел себя. Страфа напоминала спящего ангела, драгоценное дитя, повзрослевшее, но сохранившее невинность.

Все это походило на ужасающую шутку. Она притворяется. Это безвкусный розыгрыш. Она не могла умереть. Не по-настоящему. Это невозможно. Сейчас она откроет глаза. Свои искрящиеся фиалковые глаза. Ее лицо засияет от удовольствия – ведь шалость удалась, – и она рассмеется, так мелодично, что все обиды мгновенно забудутся.

Первые капли дождя упали на крышку гроба. Похоже, наступил сезон дождей. Зеваки зашевелились. Женщины раскрыли зонты. Ортодоксальный священник зачастил с молитвой. Кошмарная старая Метательница Теней переместила свое грузное тело на шаг ближе к нему. Если она может стоять, значит, и он в состоянии выполнить свои обязанности надлежащим образом.

Отец Америго сразу забыл про холод, дождь и гудящие ноги. Он вознамерился сделать эту прощальную церемонию лучшей за всю историю кладбища.

Барату, Киогэ, мне и моему другу Морли Дотсу предстоит отнести гроб в семейный мавзолей семейства Альгарда. Вход в него располагался в пятнадцати футах от нас. Я уже побывал внутри, во время репетиции. Мысль о том, чтобы снова войти туда, вызывала у меня отвращение. После этого дороги назад не будет.

Аккуратно подстриженный склон поднимался за строением из серого камня, в котором Страфе предстоит ждать своей награды, если она действительно приняла ортодоксальную веру, которой официально придерживались Альгарды. В чем лично я сильно сомневался, поскольку эта вера провозглашала нетерпимость к ведьмам, колдунам и всякого рода магии.

Сейчас большинство людей предпочитает кремацию, особенно богачи, тем более богачи с Холма. Они не хотят давать усопшим родственникам шанс вернуться. Но семья моей жены единогласно настояла на старомодном погребении, поскольку Метательница Теней сообщила им, что именно этого они и хотят.

Я заодно с теми, кто сжигает своих благословенных покойников. Пусть это и маловероятно, но кто-то действительно может попытаться их оживить. Скверная идея, как бы сильно я ни скучал по Страфе. Мне доводилось сталкиваться с ожившими мертвецами. Утерянного не вернешь, и никому еще не удавалось воскреснуть в благожелательном настроении.

А вот призраки... в общении с призраками у меня имелся положительный опыт.

Бродячие собаки наблюдали за событиями издали.

Метательница Теней посмотрела на них и решила, что они являются тем, чем кажутся, а следовательно, не представляют интереса.

Я же мимоходом задумался, что они здесь делают. Возможно, это вопрос территории. Мои мысли были заняты Страфой, но я все же поглядывал по сторонам. Она казалась такой красивой: совершенство в жизни, почти совершенство в смерти. Я не молился с тех пор, как вернулся домой с войны, однако сейчас пробормотал что-то, любому богу, готовому меня выслушать. Без нее я какое-то время буду лишь половиной человека.

Внезапная разлука оказалась крайне жестокой. Каждый день, каждый час, что Страфа проведет в темноте, ожидая, будет немного отдалять ее от меня.

Мы стареем и меняемся, как бы ни сопротивлялись.

Отец Америго продолжал бубнить. Я запоминал тех, кто пришел засвидетельствовать уважение и поддержку семье Альгарда. У Страфы, самой чудесной женщины, что я когда-либо знал, не было ни одного друга, который прежде не являлся бы и моим другом. А моей

единственной семьей стала та, что я обрел благодаря Страфе: Метательница Теней, жаждавшая крови; Барат, лишившийся своих острых клыков; и Кивенс, плачущая и отчаянно цепляющаяся за руку отца.

Ее лучший друг Кип, Кипрос Проуз, стоял слева, легонько касаясь Кивенс. К нему прижималась его невеста Кира Тейт, рядом с которой, в свою очередь, возвышался ее чрезмерно заботливый кузен Артифис. Иногда Кип и Кивенс напоминали близнецов с разными матерями.

Здесь присутствовало большинство моих друзей. Пулар Паленая и ее брат, Фунт Застенчивости, известный на улицах как Джон Растяжка. Драматург Йон Сальвейшн в сопровождении трех дам, Краш, Ди-Ди и Майк, роскошных девиц, которые сегодня выглядели совершенно подавленными. Они обожали Страфу. Из пивоварни пришли Макс Вейдер и Манвил Гилби со своей женой Хитер. Белинда Контагью, девица-гангстер, стояла чуть в стороне и как будто явилась одна, но где-то поблизости должны были таиться телохранители. Генерал Уэстмен Туп в парадной форме возглавлял делегацию стражников, возможно, в надежде, что убийца не устоит перед соблазном насладиться нашим горем. Кроме того, сзади стояли мои старые друзья Плоскомордый Тарп, Плеймет и Торнада. Дин тоже хотел прийти, но возраст взял свое.

Пенни держалась рядом со мной, готовая взять ситуацию под контроль, если я сломаюсь, однако девчонка сломалась первой. Уткнулась лицом в мой левый рукав, и дамбу провало. Вместе со слезами на меня полились бесконечные извинения за то, что она не может остановиться и ведет себя так мерзко.

Пенни основательно поработала над своей неприязнью к Страфе и теперь испытывала вину, потому что ее тайное желание исполнилось.

Паленая пробралась ко мне, чтобы заняться Пенни. Я не смогу нести гроб, если за меня будет цепляться лепечущая девчонка.

И тут в мою жизнь вошла Хагейкагомей.

20

– Берегись! – крикнула Паленая.

Я поднял глаза и увидел симпатичную темноволосую девушку, которая с рычанием неслась ко мне.

Пенни взвизгнула. Рычащая девушка врезалась в меня и заколотила кулачками по моей груди.

– Ненавижу тебя! Ненавижу!

Отец Америкго замолчал. Все собравшиеся вытаращили глаза, включая тех, кому следовало реагировать быстро и жестко, учитывая события, из-за которых мы собрались на кладбище. Не считая Морли, Паленой и генерала Тупа. Туп поднял изящно растянувшуюся на мокрой траве Пенни. Ей повезло – сегодня девчонка решила надеть нижнее белье.

Однако ее чувство собственного достоинства пострадало. Ближайшие пару дней будет бродить по дому нахохленной и ворчать.

Морли с Паленой оторвали от меня девушку. На вид ей было лет четырнадцать-пятнадцать, но по росту она казалась не старше двенадцати. Девушка уставилась на меня так, словно не понимала, что именно сделала и почему.

Ее лицо было удивительно красивым, хотя блее, чем у вечно бледной Страфы, даже покойной. Шелковистые черные волосы причудливо вились на висках. Голова, несмотря на необычную прическу, казалась слишком большой.

А может, плечи были слишком узки для такой головы?

Черно-белая многослойная одежда не позволяла оценить комплекцию девушки.

Она стряхнула с себя Морли и Паленую, обожгла меня полными слез глазами.

– Ненавижу!

А потом побежала вверх по склону, к собакам. Когда она пронеслась мимо них, животные устремились следом.

Генерал Туп передал мне Пенни. Каким-то образом ему удалось вызвать у нее искреннюю улыбку.

– Что это было, Гаррет? – спросил кто-то.

– Она напоминала маленькую дойную корову, – сказала Паленая. Смерила Пенни взглядом. – Вы знакомы?

Пенни покачала головой.

Все смотрели на меня.

– Я ее не знаю. Никогда раньше не видел.

Все усомнились. Семья. Особенно после того, как некий умник додумался сказать, что я был слишком поглощен своей супругой, чтобы заводить подружек на стороне, и кроме того, Крошка Му выглядела на целый месяц или два моложе, чем мои обычные девицы.

Кое-кто слабо улыбнулся, но в целом этот день не располагал к юмору. Разве что к черному.

Я заметил, что Метательница Теней продолжала смотреть вслед девушке, даже когда та исчезла. Хотел подобраться поближе и задать вопрос, но времени не было. Лил дождь. Холод пытался выгрызть мозг из наших костей. Спрошу позже. Все равно в ближайшее время мне от нее не скрыться.

Люди хотели вернуться к делу. Хотели поскорее оказаться под крышей.

Когда непонятное происшествие закончилось, возобновились попытки изгнать боль из выживших. Святой отец гундосил, перечисляя причины, по которым Страфа была столь особенной. Таковых нашлось множество, причем искренних. Я плакал, потому что мои друзья, как и я сам, считали ее удивительной.

Отец Америго наконец закончил. Пришла пора нам, гробоносцам, проводить Страфу в склеп. Нас было всего четверо, однако Страфа ничего не весила, и гроб оказался легким. Мы внесли его и поставили. Я смотрел на Страфу, желая, чтобы время замерло, пока Барат не увел меня обратно под дождь, позволив насквозь вымокшим нетерпеливым старикам запечатать гробницу.

Я поплакал еще немного. Как и все остальные, способные на это. Только Пенни не питала к Страфе искренней любви, но даже она готова была изменить свое мнение и теперь собиралась продемонстрировать серьезность своих намерений.

Страфа Альгарда была любовью моей жизни. Моей душой и сердцем. Она не могла стать прекрасней, даже если бы я выдумал ее. И теперь нам, по-прежнему пребывающим в царстве мертвых, предстояло выяснить, почему кто-то решил, что мир без нее будет лучше.

Я не был готов полностью принять идею Турнира мечей. Она казалась слишком странной. Однако Альгарды поверили. Хотя мысль о том, что последний уцелевший получает все, выглядела глупой... Откуда взялось столько игроков, уверенных, что они не могут проиграть?

Все тайны так или иначе будут раскрыты. Сегодня под дождем собрались люди, любившие Страфу и, как один, верившие, что истина восторжествует. Потому что они об этом позаботятся.

21

Хотя мы организовали похороны в ортодоксальных традициях – по крайней мере внешне, – поминального обряда над гробом проводить не стали. Метательница Теней хотела подождать до конца похорон. Я объявил об этом присутствовавшим, прежде чем сломался, когда кладбищенские работники опечатали гробницу. Я хотел, чтобы все собрались дома у Страфы. Мы устроили бы пир в ее честь и поделились воспоминаниями.

Я не ждал от этого ничего хорошего. Однако мои ожидания не оправдались, возможно, благодаря Барату, который активно перемещался в толпе, раздавая личные приглашения.

Он побеседовал с такими светочами, как Белинда Контагью и генерал Туп, которых Констанция Альгарда вполне могла счесть полезными в запланированной ею войне.

Я никогда не был одиноким волком – ведь я представлял лицо, и кулак, и мальчика для битья империи расследований Гаррета, – но не был и любителем участвовать в массовых движениях. Мне нравится быть собственным начальником. Однако сегодня Метательница Теней созывала войска. Она намеревалась извлечь из ножен все доступные лезвия.

Без Страфы дом казался огромной холодной, пустой скорлупой. Двое постоянных слуг, с помощью еще пары слуг Бабули и нескольких официантов, одолженных из ресторанов Морли Дотса – заодно с пищей, – организовали на удивление оптимистичный прием.

Я приветствовал гостей: мы с Баратом и Кивенс мягко пожимали руки и принимали тихие соболезнования, в то время как Метательница Теней скрылась. Она лично принимала в библиотеке избранных, которых приводили к ней Костемол и Лунная Гниль.

Старая кошмарина могла заниматься этим напоказ. Рядом с библиотечной дверью болтался Киога Сторнс. Сторожил, ковыряясь в тарелке с канапе. С маскировкой у него всегда было туговато.

Метательница Теней закидывала наживку, пытаясь заключить смертоносные союзы.

В момент затишья Барат сказал мне:

– Думаю, она собирается выйти на тропу войны.

– Жуткая мысль.

– Ты и представить себе не можешь, насколько. Здравствуй, спасибо, что пришла. Гаррет, это Лунная Плесень, сестра Тары Чейн, Маришка. Маришка, это муж Страфы. А с Кивенс ты, разумеется, знакома.

– Разумеется.

Женщина протянула руку, разглядывая меня намного более откровенно, чем ее сестра. Ей не нужно было уточнять, что «мы с Тарой Чейн – близняшки». Хотя у меня вызвали определенное сомнение слова: «Но жгучая штучка из нас двоих – я. Надо идти».

К нам приближалась Лунная Гниль, словно гроза, переходящая в торнадо.

– Они не ладят, – сообщила мне Кивенс.

– Это я понял, детка. Еще не совсем выжил из ума. Похоже, Кип собрался уходить. Может, тебе следует с ним попрощаться.

– Пожалуй.

В ее устах это прозвучало так, словно она хотела добавить: «Навсегда».

Клиенты исчерпались, и мы с Баратом получили возможность побеседовать.

– Этот парень тупой, как бревно, – сказал он. Имея в виду тот факт, что Кип Проуз даже не догадывался, что его давний лучший друг – точнее, подруга – испытывала к нему те же чувства, что и его возлюбленная Кира. В отличие от самой Киры.

– Он не воспринимает Кивенс как девушку. – Я покосился на Барата, опасаясь, что он может не одобрять увлечение дочери. Но на его лице отражалось лишь отцовское беспокойство.

– Я в это не полез, Гаррет. Скажем, папа снова ничего не заметил.

У Кипа есть мать. Где-то. Она не участвует в его жизни, разве что пользуется деньгами, которые он ей приносит. Его родителем скорее был я, и это пугало. Поскольку означало, что он по большей части воспитывал себя сам.

– Отличный план. Он хочет, чтобы его считали крутым взрослым. Будем относиться к нему соответственно, пока он не попросит помощи.

Барат крикнул.

– Я имел в виду не совсем это.

Его интересовала дочь, а не Кип. Он хотел что-то сказать, но тут вмешалась Тара Чейн. Отцу Кивенс пришла пора превратиться в сына Констанции.

Я стоял с дурацким видом, ощущая себя задутый свечой, глядя, как мои друзья набивают животы и карманы. Слуги и официанты прикидывались, что ничего не замечают.

Позже они сами набросятся на остатки трапезы – если таковые останутся.

Все это время, несмотря ни на что, Морли Дотс, Пенни или Пулар Паленая маячили поблизости, на случай, если я начну вести себя неадекватно. Паленая и Пенни чувствовали себя в этой обстановке страшно неудобно.

Я сам ощущал себя не в своей тарелке.

Когда дождь утих, а карманы наполнились, мои друзья начали продвигаться к выходу.

В конце дня я сам думал отправиться на Макунадо-стрит. Могу просто вернуться к прежней жизни. В старом жилище будет не так больно. Барат переселится в особняк, который ему пришлось покинуть год назад. Кроме того, у себя дома я могу попросить моего делового партнера взять под контроль, изменить или даже подавить эмоции, сейчас угрожавшие моей психике.

Я не желал анализировать ситуацию, предпочитая тратить время на жалость к себе.

Вернулся Барат.

– Пора побеседовать с драконом.

– А?

– Она желает тебя видеть.

Я скривился.

– Возможно, это не то, о чем ты думаешь. Может, она хочет попросить тебя не продавать этот дом ради семейной истории. Страфа родилась здесь. И Кивенс.

– Продать его? Каким образом?

– Мы оформили его на тебя и Страфу, когда вы объявили о помолвке.

Я захватил ртом немного сырого воздуха и прожевал. Для человека моего класса это был огромный уродливый красный флаг. Мотив. Особняк на вершине холма, где жили сильные мира сего, стоил больше, чем я мог вообразить. А мое воображение показало весьма внушительные числа.

– Но...

Наверное, мне говорили, что теперь особняк мой, однако я не обратил внимания. В последнее время я не слишком интересовался внешним миром.

– Страфа тебе не сказала?

– Нет.

– Узнаю свою девочку. Вероятно, не сочла это достойным упоминания.

Вероятно. Страфу никогда не интересовало богатство. Ее запросы всегда были скромными. Она ни разу не попадала в ситуацию, в которой не могла бы просто купить желаемое.

Я просочился в библиотеку. Метательница Теней сместила свою тушу, повернула ко мне массивное лицо, жадно улыбнулась.

– Мама думает, что пора взяться за работу, – сообщил Барат. – Как только твои гости уйдут. – Намек, намек.

– Я с этим разберусь.

22

Утомившиеся слуги вели себя вежливо, но не поощряли никого остаться. Только Плоскомордый Тарп и Торнада по-прежнему мешались под ногами и по-прежнему ели. Пенни, Паленую и Морли нельзя было отнести к гостям.

– Иди, если хочешь, – сказал я Паленой. – Дальше будет только скучнее.

Ее брат давно сбежал, не в состоянии вынести общество такого количества людей.

– Я не хочу. Мы семья. Я буду участвовать в планировании и в убийстве.

Я повернулся к Пенни. Как жрица культа, в данный момент состоявшего из одного человека, она была крутой и свирепой. Как девчонка – робкой. Сейчас она продемонстрировала свои злые клычки.

– Я не пойду домой одна.

На Морли я даже смотреть не стал. Он будет моей тенью.

Торнада и Плоскомордый Тарп с оттопыренными животами и карманами в конце концов поняли намек. Кухонная и домашняя прислуга Страфы, Рейс и Декс, выпроводили их. Эти старички были парочкой. Они меня пугали, но не своей ориентацией. Глядя на них, я постоянно думал о зомби.

– Увидишь, эти двое весьма бережливы, – сказал мне Барат, когда я вернулся в библиотеку, намекая, что их нужно оставить в штате. Они были чем-то вроде троюродных братьев.

– Хотите все это обратно? Я откажусь от своих прав.

– Теперь это принадлежит тебе и Страфе.

Полная дама кивнула.

Если опустить некоторые детали, Альгарды были самой странной семьей, что я когда-либо встречал. И меня приняли в клан.

Метательница Теней не стала возражать, когда следом за мной в комнату вошли Морли, Пенни и Паленая. Теперь они считались приближенными к семье, потому что их привел я.

Пока я отсутствовал, в библиотеке собрались Киога, Костемол и сестры Махткесс, а также Кивенс. В помещении стало тесно и жарко. Чем выше поднималась температура, тем сильнее благоухала Метательница Теней. От запаха у меня заслезились глаза.

– Подвигайтесь ближе. Составьте стулья кругом. Нам нужен мозговой штурм, – сказал Барат. Он нетерпеливо махнул Кивенс и Пенни, чтобы те присоединялись к взрослым.

Семейный магический талант обошел Барата, однако у него имелись другие умения. Его кожа была оливковой, как у матери. Как и она, он отличался массивным телосложением, но был широким, а не толстым. Он мог сойти за бандита и выполнял соответствующую работу для семьи. У него остались шрамы на память о Кантардской войне, где он отслужил два срока.

В последнее время его мускулы требовали работы. Страфа не отличалась склонностью к подобным вещам, а Бабуля ушла на покой. Но сейчас Барат был готов к мести.

Мясистые губы Метательницы Теней растянулись в ухмылке, когда я занял приготовленный для меня стул, рядом с ней. Ей нравилось меня пугать.

Страфа утверждала, что старая ведьма обожает Гаррета и в восторге от его вступления в клан. Не исключено. Меня до сих пор не подвесили к крюку для мясных туш.

– У нас будет время для эмоций, – сказал Барат. – А сейчас давайте проявим рациональность и начнем охоту. Приступай, Гаррет.

– А?

Иногда я проявляю глубины своего интеллекта.

– Ты профессионал. Ты зарабатываешь этим на жизнь. Скажи нам, что должны делать мы.

– О. – Немая сцена. Он что, шутит? Метательница Теней уже раздала задания. – Расскажите, чем вы все занимались последние два дня.

Как выяснилось, практически ничем, как и я сам. У меня не хватило целеустремленности начать. Но они, предположительно, обладали немислимыми ресурсами, в эмоциональном и прочем смыслах.

– Я еще никогда не был собственным клиентом, – проворчал я.

– Клиента хуже не придумаешь, – отозвался Морли, сверкая заостренными эльфийскими зубами.

– Не исключено. Когда нанимаешь сам себя, твой босс почти всегда оказывается чертовым эксплуататором.

Паленая фыркнула. Обычно я удосуживался пошевелить пальцем лишь в тех случаях, когда нам грозил голод. Дом на Макунадо держался на плаву благодаря гению Пулар.

– Ну хорошо, – сказал я. – Я обсудил турнир со своим партнером, еще до того как случилось то, что случилось. Он велел мне поговорить со Стражей. У Стражи есть человеческие ресурсы. Кроме того, даже слух о том, что Стража заинтересовалась этим вопросом, мог положить конец всему проклятому мероприятию.

– Очевидно, ошибочное предположение, – вставил Рихт Хаузер.

– Он оказывается правым только в большинстве случаев. Но... Как бы в ваше время прошел турнир, если бы тогда была такая полиция, как сейчас?

Молчание нарушила Лунная Гниль:

– Он бы все равно состоялся, но игра оказалась бы более трудной.

– И смертоносной, – добавила ее сестра. – Некоторые участники без колебаний расправились бы с жестяными свистками, подвернувшимися под руку.

Возможно, она права. Однако сейчас немногие негодяи относились к красным беретам как к надоедливым мухам. Дил Релвей заслужил свою репутацию.

Закряхтев, Метательница Теней ткнула уродливым пальцем в Барата.

– Стража действительно может похвастать численным преимуществом, – сказал он. – Не исключено, что им удастся быстро уничтожить Операторов. А начальство не склонно увлекаться формальностями или частными правами преступников.

– Сейчас у них есть ресурсы, способные справиться с Ужасными компаньонами, – вставил я. – Если, конечно, я правильно понимаю, что они из себя представляют.

Эти слова не добавили мне популярности. Я полагал, что однажды наступит тот день, когда слаженная команда волшебников Стражи одолеет мегамонстров Холма, обитатели которого и так нервничали, поскольку Корона и Стража требовали, чтобы они вели себя, как обычные люди.

– Мы с мамой согласны, что поставить в известность Стражу было хорошей стратегией, – сказал Барат. – Операторам придется действовать более медленно и скрытно. Это даст нам время. Но, Гаррет, поверила ли тебе Стража?

Релвей был заинтригован еще до того, как на Страфу напали.

– Да. Однако, если верить генералу Тупу, до сих пор они не обнаружили ничего полезного. У случившегося не могло быть личных мотивов. Страфа со всеми ладила, и у нее не было секретов.

Она была слишком открытой, – мысленно закончил я, переводя взгляд с Барата на Кивенс.

Паленая встала. Она не могла долго сидеть на человеческих стульях, и ей хватило смелости открыть рот перед этими людьми, большинство из которых наверняка считало ее сообразительным вредителем.

– Чтобы сузить круг возможностей: была ли кому-нибудь выгодна смерть Страфы?

– Это турнир, – ответил Костемол. – Турнир и ничто иное. Никто не желал девочке зла.

– Я спрашивала не об этом. Мы уже поняли, что Страфа была божеством.
Рядом зашевелилась Метательница Теней.

– Нет. Это не так.

На протяжении последних минут с ней что-то происходило. Незаметно. Ее одеяние потемнело. Оно колыхалось на ветру, которого никто не ощущал. Пахло чем-то дурным. Массивная рука с уродливыми перстнями протянулась ко мне.

– Ты не туда смотришь.

На безумное мгновение мне показалось, что она транслирует Покойника.

– То есть как?

– Ты забываешь о том, что имело место до случившегося перед домом.

Она привлекла внимание всех собравшихся в библиотеке.

Она разжала пальцы.

23

Кусок железа упал в мою подставленную ладонь.

– Что это?

– А разве не похоже на свиную отбивную?

Глупый ответ на глупый вопрос.

Это был железный арбалетный болт. Конец с оперением отсутствовал. Такой болт мог пробить пластинчатый доспех.

– Целиком эта штука должна весить фунта три. – Что могло сломать такую железку? – Ни для одного переносного устройства она не годится.

Это был легкий артиллерийский болт, предназначавшийся для небольшой осадной машины или орудия поддержки пехоты. С заостренным концом из закаленной стали.

– Может, это случайность? – спросил я.

– Seriously?

– Что это? – предпринял я новую попытку.

– Расскажи, что в ту ночь произошло в твоём доме.

Пенни пискнула. Я покраснел. Честное слово. Я вроде как взрослый мужчина, но не могу обсуждать подобные вопросы с семьёй дамы.

– Ой, да ладно! – вмешалась Кивенс. – Речь не об этом. Все знают, что вы с мамой были как куницы. Не могли держать руки при себе даже на людях. Чего же от вас ожидать наедине друг с другом?

– Э-э. Ага. Ну да. Она вроде как ускользнула, потом. Распогодилось. Она хотела полетать, пока можно.

Она была Бегущей По Ветру. Её основные магические умения касались полетов. Больше всего на свете она любила прогуляться с метлой по небу. И именно этим занялась той ночью.

– Она нервничала. Была на взводе из-за свадьбы. Не сомневалась, что что-то пойдёт не так. – И оказалась права. – А ещё больше тревожилась из-за приема. – Который намечался в Королевских ботанических садах, поскольку члены королевской семьи были у неё в долгу.

Она боялась, что мои низкородные друзья напьются и разнесут Сады в клочья.

– Она схватила метлу и вышла в окно, – сказал я. – Спросила, не хочу ли я составить ей компанию, но не стала задерживаться, когда я отказался. – Я не любитель гулять по пустоте в сотню футов глубиной. – Когда я встал, она ещё не вернулась. Не вернулась и когда я отправился в Аль-Хар. Мой партнер не тревожился. И мне в голову не пришло беспокоиться.

Кроме того, я был поглощен надвигающимся цунами матримониального рока.

Признаю, Страфа Альгарда являлась идеальным кандидатом в жены Гаррета, если не брать в расчет прилагавшиеся семейные особенности. Уточним, что мир кишел лучшими кандидатами в мужья, нежели я.

Наконец подал голос Морли, неуверенно, сомневаясь в своём праве участвовать:

– Происходило ли что-то той ночью? Что-то, что она могла захотеть увидеть?

Это был хороший вопрос. Страфа стала отчаянным любителем местных достопримечательностей, когда заарканила меня и смогла повсюду таскать за собой. Я сам об этом не подумал, но мой ум затуманивали темные эмоции. Он никогда особо не блистал, а теперь работал ещё хуже, чем обычно.

– В Квартале снов проходил фестиваль осеннего солнцестояния. Он начался в полночь, – сказала Пенни.

Квартал снов – религиозный центр Танфера.

– Ты туда ходила? – спросил я. Тем утром я ее не видел, но не придавал этому значения. Когда я был дома, Пенни часто превращалась в невидимку. Паленая утверждала, что причиной тому влюбленность в меня. Какая глупость. Пенни ясно продемонстрировала, как ко мне относится.

– У меня не было выбора. – Она по-прежнему серьезно относилась к своей роли жрицы, несмотря на то, что теперь являлась единственным членом культа. – Со мной ходил мистер Плеймет. – Прежде чем я успел превратиться в родителя и начать тявкать по поводу юных девиц на опасных ночных улицах.

Если вы девушка, желающая попасть на подобный фестиваль, Плеймет – лучший выбор спутника. Он большой, свирепый и заботливый. А еще он хотел стать священником, но все никак не мог решиться на смелый шаг.

– Страфу мы не видели, – сообщила Пенни.

– Мама не любила подобные мероприятия, – отозвалась Кивенс.

Это правда. Она была еще менее религиозной, чем я. Неудивительно, учитывая ее ремесло и родословную.

– Погода все испортила, – сказала Пенни. – Если бы она была там, мы бы ее заметили. Метательница Теней сомкнула мои пальцы на болте.

– Расслабься. Последуй совету, который даешь своим клиентам. Сохраняй спокойствие. Работай головой, пока не найдешь цель. – Она стиснула мне руку с жуткой улыбкой. – А потом я возьму все на себя.

Она была права. Сейчас я находился на той стадии, где с высокой вероятностью растратил бы время, энергию и эмоции, носясь кругами и завывая.

– Мой партнер хотел бы поговорить с каждым из вас, – сказал я.

В комнате резко похолодало.

После долгого молчания Метательница Теней произнесла:

– Очень хорошо. Я подам пример. Барат, убедись, что мой экипаж готов к поездке.

– Да, мама. Прямо сейчас?

Она повернулась ко мне.

– Прямо сейчас?

– Чем раньше, тем лучше. Он любил Страфу. И сможет отыскать ниточки, которых никто из нас, скорее всего, не заметит.

– Уверена, что ты прав. Вы все поняли? Хорошо. Возможно, вам удастся сегодня же договориться с мисс Пулар.

– Сейчас он постоянно бодрствует, однако остальным из нас требуется отдыхать и работать, – сказала Пулар. – Лучшее время визита – послеобеденное время или вечер.

– Расскажи нам о девочке, напавшей на тебя на кладбище, – велела мне Метательница Теней.

– Тут нечего рассказывать. Вы сами все видели. Я не знаю, кто она такая, и понятия не имею, что ей было нужно. Может, она перепутала меня с кем-то.

– Возможно. Ты снова с ней встретишься. Обращайся с ней мягко и по-доброму.

– Мама? – Барат явно удивился. Все остальные тоже уставились на Метательницу.

– Девочка – не наша забота. Озаботиться следует только Гаррету.

Что лишь раздуло интерес к происшествию, о котором все почти забыли, в том числе и я сам. Но Метательница Теней сказала свое слово. Она лишь повторила директиву проявлять доброту.

Заявив, что руководить надлежит мне, поскольку я профессионал, она приказала Барату сообщить всем, как именно следует содействовать Гаррету в поисках убийцы его жены. Детально объяснила эксперту, как ему выполнять собственную работу.

Я часто кивал. У нее за спиной я буду поступать по-своему. Но я открыт ко всем оригинальным идеям.

Этот подход я выработал в ходе общения с собственной матушкой.

24

Толпа рассеялась. Ушли все, кроме меня, Декса, Рейса и Морли. Пенни и Паленая отбыли с неохотой, подчинившись приказу отчитаться перед Покойником и убедиться, что Дин не испустил дух. Хотя управляющие постоянно слали Морли плаксивые донесения, он намеревался до последнего липнуть ко мне, как Смертный компаньон. В его обществе я чувствовал себя более уверенно.

Барат обещал вернуться, когда доставит мать домой.

Да, и еще тут присутствовала Порочная Мин, помещенная в медикаментозный сон и засунутая в соответствующего размера комнату. Доктор Тэд обещал регулярно навещать ее. Он думал, что она поправится, но опасался, что пациентка захочет раньше времени вскочить с постели.

Он мог мне об этом не рассказывать. Я сам любитель кинуться в схватку, не успев оклематься.

Я сжег некоторое количество энергии, помогая Дексу и Рейсу расчищать завалы. Удивительно, какой ущерб способны причинить несколько гостей. Мы почти не разговаривали. Эти двое в моем обществе чувствовали себя неуютней, чем я в их. Они тревожились за свои места. Рынок труда в Танфере еще не очухался от вспышки мира.

Они говорили о Страфе. Рассказали мне, что она вернулась домой на рассвете. Съела легкий завтрак, потом час подремала. А потом снова ушла. Сказала, что идет к священнику. Собиралась вернуться к полудню, если повезет, раньше меня, то есть ожидала, что из Аль-Хара я направлюсь к ней.

Зацепиться сыщику было особо не за что. Священник – тот парень, которого она хотела пригласить на нашу свадьбу. Дальний родственник семьи по линии матери Страфы. Он сопротивлялся. Считал, что ни один из нас не выказывает должного уважения к религии.

Вернулся Барат. Мы устроились на кухне и смотрели, как Декс с Рейсом моют посуду. Пили чай, подбедали остатки поминальной трапезы. Наконец Альгарда спросил:

– Ты изучил тот болт?

– Я его рассмотрел. Он ни о чем мне не говорит. Единственная странность заключается в том, что он сломан.

– Не единственная. Он убил Страфу.

– Доктор Тэд не нашел никаких ран.

– Верно. Болт нес заклятие. Он сломался, когда Страфа отразила его. Не попал в нее, но оказался достаточно близко, чтобы заклятие сработало. Обломок запутался в ее юбке.

– О.

Я положил сломанный болт на стол.

– Барат, это железка со стальным наконечником. Железо, серебро и магия несовместимы. Об этом говорит мой болезненный личный опыт.

– Я свидетель, – лаконично заметил Морли.

– Совместимы, когда в дело вступает ферромаг.

Я ничего не ответил. Ферромаги – невиданная редкость, вроде лягушачьих шуб. Я сомневался, что сейчас в Танфере можно найти как шубы, так и ферромагов.

– Вот чего от тебя добивалась мама. Заклятие – или заклятия – наложено на канавки, прочерченные вдоль древка.

В них виднелись следы какого-то порошка.

– Ферромаг? Это значительно сужает круг поиска, не так ли?

– Определенно. Сужает так значительно и так быстро, что ни один истинный ферромаг не свяжется ни с чем столь откровенно преступным. На этой штуке имеется керамическое покрытие, отделяющее магию от железа.

– В таком случае, я сдаюсь, – признался я.

В разговор вмешался подошедший Декс. Не спрашивая, поднял болт и сказал:

– Это довольно-таки старая вещь. Ей больше тридцати лет.

– Откуда ты знаешь?

– Я служил в артиллерии. Дата производства, номер партии и номер контракта выбиты на древке. Хотя он сломан, отсутствуют только две цифры, одна буква и клеймо. Они нам не нужны. Такие болты производило лишь одно предприятие. «Смит, Джадикал, сыновья и сыновья». Не лучшие в своем роде, но исправно придерживались сроков и выполняли контракты.

– Насколько я помню, они отошли от дел, когда я был еще маленьким, – сказал я. – Какой-то скандал с откатом или что-то вроде этого.

– Верно, – кивнул Барат. – Твайла вела расследование.

Твайла – это его жена, мать Страфы, чей призрак я видел в тот самый день, когда познакомился со своей будущей супругой. Она давным-давно умерла.

– Должно быть, прошло много лет.

– Как ни странно, немногим больше тридцати. Я помню, как волновался, поскольку Твайла носила Страфу.

Может ли столь давний случай иметь отношение к делу?

– Должно быть, кто-то нашел пропавшие болты, – сказал Барат Дексу.

– Определенно, сэр. Или сохранил с тех времен.

Это казалось маловероятным. Но.

– С каждой минутой ситуация становится все более странной.

– Кто-то в спешке схватил то, что подвернулось под руку, – предположил Морли. – Не зная, что на болтах есть идентификационные отметки.

– Может, они и не знали об отметках, но потратили много времени на подготовку болта, – возразил Барат.

Строил ли кто-то кропотливые планы по убийству Страфы?

– Декс, ты сказал, что тебе не нужны отметки, чтобы определить, откуда этот болт.

– Совершенно верно, сэр. Болты Смита отливали, травили и закаляли. В литейной почти не использовались механизмы. Главное – их количество. Смит разработал метод массового производства. Но без маркировки все равно нельзя было определить, когда сделан болт. Сейчас война закончилась, а скандалы со снабжением забыты, и дата производства уже не имеет такого значения. Равно как и сам производитель. В действительности, весьма ожидаемо, что появляются болты, пропавшие много лет назад.

– Может, ты и прав.

– Будь я на вашем месте, я бы искал оружие, из которого выпустили болт, – продолжил Декс. – Вряд ли таких найдется много.

Хорошая мысль. Кто станет держать осадное оружие на заднем дворе?

– Ни у кого нет доступа к артиллерии, верно?

Декс согласился.

– Хотя некоторые орудия находятся в частных руках, в музеях или у коллекционеров, из спускового механизма легальных экземпляров извлечено шептало, чтобы тетиву нельзя было зафиксировать.

– То есть легальный экземпляр не будет работать.

– В теории. Восстановить работоспособность нетрудно. Я мог бы сделать это, имея доступ к кузнице и машинному цеху. Хороший механик в состоянии отремонтировать ору-

дие, изучив спусковой механизм. А если вы хотите выстрелить всего пару раз, достаточно вырезать вручную деревянное шептало. Мы постоянно занимались этим в полевых условиях. Не всегда удавалось снять оружие с линии, чтобы оружейники его починили.

– Еще одна ниточка, – сказал Барат. – О какой дальности идет речь, Декс? Шестьсот ярдов полета, четыреста – с достаточной для убийства инерцией? Если нарисовать круг со Страфой в центре...

– С учетом допотопного орудия – а другого в данной ситуации быть не могло – и без обученной команды, убойная дальность вряд ли превысит триста ярдов. Для такой точности оно должно было находиться в пределах двухсот.

– Давайте возьмем карту, нарисуем разные окружности, посмотрим, чьи владения попадут внутрь, и взвесим вероятности, – предложил я.

– Используй топографическую карту, – посоветовал Барат. – Одну из тех шпионских карт с деталями ландшафта и строений.

– Очевидно, вы имеете в виду военно-топографическую карту, – уточнил Декс. – По ней можно даже определить слепые зоны и невозможные линии огня.

Я посмотрел на Декса в упор.

– Ты умеешь читать военно-топографические карты? – Изначально их разрабатывали для армии. Пользователь должен был обладать зачатками грамотности, а также пройти соответствующее обучение и иметь специальный полевой опыт.

– Я могу прочесть карту сельской местности, – ответил Декс. – Насчет такого района, как этот, – не уверен. В Кантарде мы редко сражались в городах.

– Я достану карты Холма, – пообещал Барат. – Что дальше, Гаррет?

– Я отправлюсь домой и поговорю с моим партнером. Он наверняка выдвинет интересные предположения.

Лицо Барата стало равнодушно-холодным. Я сообразительный – догадался, в чем дело.

– Теперь я живу здесь, но не могу перестать думать о своем жилище на Макунадо как о доме. Там я построил свою жизнь.

– Убедительно с логической точки зрения, но неудовлетворительно с эмоциональной, – сказал Барат.

Я не стал обращать внимания.

– Повидавшись с ним, я вновь двинулся в Аль-Хар.

– Зачем?

Альгарды могли похвастать полноценным недоверием к Страже и непоколебимым презрением к систематизированному, публично финансируемому закону и порядку.

– Затем, что если я как следует подогрею их интерес, они могут, например, отыскать вторую часть этого сломанного болта. Могут за день постучать в большее число дверей, чем я – за месяц, и будут более убедительно задавать вопросы, на которые нам нужны ответы. Сами знаете, свидетели имеются. Это произошло среди бела дня.

– Ты себя недооцениваешь. У тебя больше шансов получить хорошую информацию, чем у любого стражника.

– Вы так думаете? Почему?

– Ты муж Страфы. Человек, выбранный разделить жизнь с единственной сиявшей Альгардой. Той, кого все любили. И теперь за твоей спиной кроются другие Альгарды, которых все боятся. Любовь и страх. Отличные мотиваторы.

Ну конечно. Только не для тех, кто напал на Страфу.

– Если ты будешь задавать вопросы, соседи могут проявить удивительную заинтересованность в помощи, – добавил он.

– Это, знаете ли, правда, – подал голос от раковины Рейс.

Былой артиллерист Декс согласно кивнул.

25

Свет тускнел, хотя до заката было еще далеко. Облака сгустились. Снова начал моросить дождь. Я немного ссутулился, но шаг не ускорил. Мои мыслительные мышцы работали на пределе.

Морли сохранял чуть большую дистанцию, чем полагалось друзьям.

– Будь внимателен! Убийцы не дремлют. Займешься размышлениями, когда окажешься в четырех кирпичных стенах.

Он был прав. Я понял это на войне. Люди, блуждающие по своему внутреннему ландшафту, когда снаружи приближается враг, напрашиваются на раннюю отставку.

– Привычка позабылась.

– Я и сам несколько расслабился, – признался он. – Такое бывает, когда продвигаешься вверх по пищевой цепи. Но тебя предупредили. Когда мы покинули дом Страфы, ты почувствовал то же, что и я.

– Лазутчик Фелльске – не убийца. Он лишь наблюдает и докладывает.

– Возможно, докладывает убийце. Помни, кем тебя считают другие люди, а не только кем ты сам себя считаешь.

Я его не понял.

– Что?

– У тебя есть репутация. И связи с теми, чья репутация еще хуже. Разумеется, ты расстроен из-за Страфы. Не знакомые с тобой люди будут принимать решения, основываясь на том, что они о тебе слышали, а не на суровых фактах.

– Ладно. Теперь понял.

– Ты есть ты – и потому представляешь угрозу. Ты можешь стать ниточкой между ними и всеми теми, кто способен их поймать.

– То есть если меня убьют, мои друзья потеряют интерес к делу.

Убийство Страфы, может, и исключило семейство Альгарда из участия в турнире, но сделало их потенциальным источником опасности. Мое убийство, напротив, должно будет снизить накал.

И в то мгновение, когда у меня полностью очистилась голова, я заглянул в тени между двумя кирпичными строениями слева – и увидел симпатичную юную блондинку, мрачно наблюдавшую за мной. Она казалась печальной. И держала за правую руку большого уроды, с которым я встречал ее раньше.

Я замер, вытаращив глаза.

– Ложись! – рявкнул Морли.

Мои инстинкты еще не окончательно заржавели. Я рухнул на холодные мокрые камни. В том месте, где я находился секунду назад, что-то жужжало, скрипело и гудело. Нечто мерзкое пронеслось там, где я оказался бы, если бы не остановился.

Теперь я был полностью сосредоточен, о да! Я бодро полз, перекачивался и скользил к спасительным теням. Третий снаряд трескучего нечто слегка подпалил мою извивающуюся задницу и врезался в гранитное корыто для воды. Вода вскипела. Кусок гранита ударил меня по локтевому отростку левой руки. Я взвизгнул, словно пресловутая недорезанная свинья. И пополз!

Пар превратился в туман, затянувший улицу. Укрытие! Спотыкаясь, я вскочил на ноги и рванулся в переулок, где пряталась девочка.

Нападавшие не могли видеть меня, но и я почти ничего не видел. За моей спиной раздался топот ног, бегущих в различных направлениях. Я услышал крики и проклятия. Услышал, как вопит Морли. Услышал, как чей-то испуганный резкий вскрик внезапно оборвался

на высокой ноте... что-то неприятное случилось с человеком, не ожидавшим серьезных затруднений.

А затем у меня возникло предчувствие, не подкрепленное физическими доказательствами, что в мою сторону направляется нечто большое и ужасное.

С навигацией было из рук вон плохо. Я споткнулся, нырнул в туман, оцарапал лицо о стену и ткнулся носом в землю между парой дорогих коричневых туфелек на обтянутых белыми чулками девичьих ножках.

– Вот свидетельство того, что иногда удачливость побеждает ум, – провозгласил нежный голосок.

Крюк, по размеру превосходивший мою голову, подцепил меня за шкурку и поставил на ноги.

– Пора начать относиться к этому серьезно, – сказала девочка. – Иначе ты умрешь.

Затем ее рот округлился от изумления. Я оглянулся.

Жестяные свистки заполнили вход в переулок. Где-то кипела схватка, производившая немало шума. Судя по всему, эти красные береты тоже были не прочь подраться.

Двое вышли вперед.

Мистер Большой Урод вулканически загромыхал.

– Да. Следует, – ответила девочка.

Пока я поднимал глаза, это создание затащило девочку по стене здания, пользуясь одной рукой и ногами, голыми и обезьяноподобными. Они скрылись в мгновение ока.

– Какого черта? – спросил я. – Что за фигня?

Красные береты хором поддерживали меня. На несколько секунд мы превратились в стаю вопящих помойных котов.

Один бунтарь выбился из коллектива и спросил:

– Вы в порядке, сэр? Простите, что так долго сюда добирались.

– А? Я немного поцарапался. Руки. Правое колено. Правая щека. Отшиб локоть. В остальном – как новенький. Значит, долго добирались?

– Нам пришлось промедлить, чтобы противник нас не заметил, сэр. И мы вроде как могли нанести внезапный удар. Идея такая: они успевают начать свои безобразия, а потом мы приступаем к задержаниям.

Жаль, что в переулке было слишком темно. Я не мог понять, издевается ли этот парень или просто родился с шилом в заднице.

Одно я понял быстро: Стража использовала меня в качестве наживки. Они позволили Гаррету метаться по округе, снося все на своем пути и попадая в ловушки, чтобы потом свалиться с неба и подмести мусор.

План, достойный тайной полиции. Или начальника Стражи.

Я кинул последний взгляд вверх и застыл с открытым ртом. Одинокий силуэт Маленькой Блондинки вырисовывался на фоне сумрачного неба. Из-за плохого освещения я не мог разглядеть ее лицо. Она держала плюшевого медведя.

Жестяные свистки шныряли по переулку в поисках чего-нибудь полезного. Один низкорослый тип щеголял значком мага-криминалиста на боку берета.

Релвей поверил мне. Стража взялась за дело. Без сомнения, он учуял возможность ухватить обитателей Холма за мягкое место.

Болтливый красный берет спросил:

– Вам знакома эта девочка или ее спутник, сэр?

– Нет. Я встречал их раньше, в ночь перед тем, как была убита моя жена.

Как вам новая стратегия Гаррета? Абсолютная, полная, тотальная, беспрекословная кооперация, практически без утайки чего бы то ни было.

Жестяной свисток пожал плечами.

– Мы их найдем. Люди с такими способностями оставляют след самим фактом своего существования. Давайте посмотрим, что поймал Карбо.

Карбо оказался командиром отряда, участвовавшего в потасовке, которая дорого обошлась нападавшим. На мостовой с крайне несчастным видом сидели три человека в наручниках. В нескольких ярдах от них сидел такой же несчастный Морли, только без наручников. Им занимался врач. Царапины, ничего серьезного. Старые раны не открылись. Командир моего отряда, Шило, велел врачу заняться мной, когда закончит, а потом отправился совещаться с парнем, который по виду вполне соответствовал имени Карбо. Крупный, толстый и уродливый.

Рядом с троицей в наручниках лежали еще двое. Сдутые, как и все свежие покойники.

– Оказались по ветру от Особых, – сказал Морли. Особые – это ударные части тайной полиции. – И не успели поднять руки вверх.

Одним из покойников был чародей-убийца. Без сомнения, он погиб первым.

Я позволил медику осмотреть и смазать царапины. Он проинструктировал меня, как обрабатывать раны, не преминув добавить, что утром появятся синяки. Принял Гаррета за особого клиента, но не стал злоупотреблять особым обращением.

– Мы уже знаем, кто они? – спросил я Морли.

– Люди, которым ты не нравишься.

– Удивительно, но такие и вправду есть. Как можно не любить безвредного, милого, пушистого старичка? Однако обычно я могу их опознать. А эти парни, что мертвые, что живые, мне не знакомы.

Я кивнул – против ветра, – давая понять, что понял намек насчет «по ветру». Эти парни вышли из дела, однако Лазутчик Фелльске по-прежнему болтался где-то поблизости.

В попытке разрядить обстановку я спросил:

– На тебя часом не охотится ревнивый муж или оскорбленная подруга? Может, я – лишь сопутствующие потери?

– Я всерьез становлюсь моногамным.

У него имелись на то важные причины – ведь его дамой сердца была Белинда Контагью. Морли целиком и полностью нарушил собственный первый закон отношений, связавшись с женщиной, еще более безумной, чем он сам. Эта прекрасная психопатка не обладала врожденной способностью к прощению и забыванию.

Лучше он, чем я. Когда-то я был на его месте.

Вернулся Шило.

– Мы еще ничего не выяснили, сэр. Выживших допросят, но, как повелось, те, что сдаются первыми, обычно знают меньше всех.

– Наемники.

– Именно, сэр. Мне известно, что начальник лично заинтересован в этом деле, и не сомневаюсь, он будет держать вас в курсе событий.

– Я это ценю. – Какая вежливость.

– Судя по всему, инцидент исчерпан, сэр. Похоже, эти люди и те, что прятались в переулке, никак не связаны. Я бы посоветовал, сэр, обращать больше внимания на то, где вы находитесь. Вам следует уйти с улицы и оказаться в безопасном месте, как можно скорее. И оставаться там, пока Стража не раскроет причины подобного асоциального поведения.

Наверное, Морли тоже вырос. Его лицо осталось бесстрастным.

– Спасибо, – вновь поблагодарил я и добавил: – Я действительно ценю вашу помощь. Сделаю все возможное, чтобы последовать вашему совету.

Старина Морли продолжал стоять с невозмутимым видом – он это умеет. Но смотрел на меня так, будто гадал, что за придурок нацепил костюм Гаррета.

Мы добрались до Макунадо-стрит без новых происшествий.

26

Дин подал ужин в кабинете Паленой. У нее и Старых Костей были гости – Джон Растяжка и Белинда Контагью. Они вели схожий бизнес, и часть вопросов удавалось решить в процессе общения. Белинда кудахтала над Морли, словно над расквасившим нос младенцем. Отвратительно сопливое зрелище.

Я съел немного пастушьего пирога и запил его пинтой пива, после чего сказал Белинде:

– Возможно, тебе не следует разгуливать в одиночку, учитывая, что в последнее время творится вокруг меня.

– С чего мне тревожиться? – спросила она. – Мишень – ты.

Джон Растяжка согласился.

– Я своим сообщать, когда узнать про Страфу.

Его моя любовь тоже покорила.

Знакомство с Джоном Растяжкой – полезная штука. Его люди проникают повсюду, делают самую грязную работу – и никто не обращает на них внимания. А ведь свои секреты следует оберегать.

– Ничего?

– Пока ничего. В гобелене дыра. Холмолюди желать узнавать, кто на нее напасть. Ни один не знает ничего и никого совсем не подозревать.

– Это странно.

– Мне показалось, что они ничего не планируют, просто хотят понять, грозит ли им опасность, – добавила Паленая.

В этом был смысл. Теологические бунты против магов случались и раньше.

Вскоре я почувствовал себя достаточно сытым, спокойным и защищенным, чтобы собраться с духом и навестить Покойника – по пути заглянув в мой прежний кабинет, чулан рядом с помещением, которое использовала Паленая. Там я натянул отвратительный старый свитер. В обществе Старых Костей иногда становилось прохладно.

– Мысли есть? – спросил я, двигая кресло, чтобы уютно устроиться со своей пинтой. – Вижу, Пенни все еще работает с маслом.

У девчонки есть талант. Старые Кости делает все возможное, чтобы помочь развить его.

Его подопечная – одна из немногих представительниц женского пола любого вида, которых он не просто терпит, но даже испытывает симпатию.

Ты кого-то встревожил. Вероятно, несколько людей, каждый из которых намерен выиграть Турнир мечей.

– У меня такой же талант к магии, как у булыжника. Если нужно просто лежать на месте, я гений. Средоточие мощи.

Я думаю, что мы можем ошибаться по поводу причин, из-за которых было совершено нападение на Страфу.

– А?

Она действительно была Потокотом Яростного Света и наиболее вероятным Бойцом клана Альгарда, но предположим, ее убили по глупости, исключительно ради того, чтобы не дать тебе вступить в игру. Необоснованный поступок, вызвавший мощный отклик.

– Сегодня моя голова плохо работает. Раскрой ход своих мыслей. Представь, что я идиот.

Проклятие! Все эти изящные обороты речи с Покойником лишаются смысла. Он может потоптаться в моей голове, когда пожелает, и всегда знает, что я сейчас скажу.

Представь реакцию на события. После гибели Страфы Гражданская Стража, Синдикат, народ крысюков, семья Альгарда и ее союзники мобилизовались для охоты на убийцу. Предполагаю, именно этого убийцы и хотели избежать.

– О. – Я понял. Вроде бы.

Кто-то думал, что Турнир мечей выйдет им боком, если я стану Смертным компаньоном Страфы. Мои связи обеспечат ее тайной информацией. Уберите Страфу – и эти ресурсы утратят значение.

– Могу представить аристократа с подобной логикой. Человека, поглощенного подготовкой к турниру и намеревающегося победить. Но он явно со мной не знаком, потому что я в любом случае не стал бы участвовать в турнире.

Действительно. В данный момент кажется маловероятным, чтобы турнир состоялся. После испытанного этими людьми замешательства...

– Да?

Замешательство испытали не они одни. Девочка-куколка играла со мной, а потом с легкостью исчезала.

Только какой бы умной она ни была, ей не удастся скрыться от всех глаз, которые сейчас ищут ее. Девчонку опознают. И выведут из игры. Разумеется, мягко. Я не позволю никому нападать на детей от моего имени.

Вернемся к этому вопросу позже. Скоро у нас появится компания.

Проклятие. Я надеялся узнать, что он думает насчет девушки, набросившейся на меня во время похорон.

27

Компания состояла из Барата Альгарды, Кивенс, Киоги Сторнса и одной из дамочек Махткесс, причем все они прибыли в экипаже Метательницы Теней. Сама она не приехала.

У нее была уважительная причина.

– С ней случился апоплексический удар, – объяснил Барат.

Возможно, инсульт.

Мы устроились в кабинете Паленой. Дин подал чай. Леди Тара Чейн и Киога выглядели бледными и откровенно потрясенными обществом, хотя не были знакомы ни с Белиндой, ни с Джоном Растяжкой. Они не могли чувствовать себя уютно в доме, где крысочков не просто терпели, но считали равными – и, возможно, самыми умными среди присутствующих.

Почему Барат их не предупредил?

Предупредил.

– Понял. – Как обычно, кое-кто удивился, что я беседую с пустым местом.

Мистер Альгарда не знал, что здесь будет Фунт Застенчивости. Но он сказал им про Паленую. Они не поверили.

Я ощутил серьезную досаду, исходящую из его комнаты. Что-то шло вразрез с его желаниями.

На них всех эти серебряные сеточки для волос.

И что? Приходившие сюда люди надевали такие сеточки, изобретенные Кивенс и Кипом, чтобы не дать Покойнику копать в своих головах. Сеточки не работали. По крайней мере долго. Старые Кости всегда находил способ проникнуть внутрь.

По существу, они работают весьма неплохо. Если эти люди быстро закончат с делами, они уйдут прежде, чем я успею совершить обходной маневр.

Интересно.

Они возразят, что не желают предоставлять Покойнику неограниченный доступ к содержимому своих голов – и с этим не поспоришь. Проблема в том, что никто не верит, что он проникает внутрь только по приглашению, ведь доказательств нет.

Мой жизненный опыт гласит, что большинство людей судит окружающих по себе. Те, кто утверждает обратное, идут на тактический обман. Негодяи знают, что все люди – мерзавцы. Наивные вегетарианцы-пацифисты уверены, что каждый человек готов сесть за стол переговоров и решить проблему мирно.

Существует кривая нормального распределения характера, от безнадёжной подлости до слепого романтического идеализма. Хищники с темной стороны кормятся травоядными со светлой, уверенные, что идиоты это заслужили.

Что идет вразрез с убеждением об одинаковом образе мышления для всех. Но если поднять этот вопрос, мерзавцы тупо посмотрят на тебя и не поймут, о чем речь.

Потому-то миру и нужны мы, самонадеянные овчарки из тусклой области в середине кривой.

Спасибо Паленой за это научное сравнение.

– Почему с ней случился удар? – спросил я.

– От злости. Пришло сообщение, не знаю откуда, что Альгарды все равно участвуют в турнире, и теперь Кивенс – твой Смертный компаньон ¹.

Девочка с самого начала выглядела как зомби. Теперь я понял причину.

– Что? – Почему Старые Кости не предупредил меня? – К черту! Как такое возможно?

¹ По-видимому, ошибка Г. Кука (примеч. ред.)

– Легко. Операторы решили, что раз на Страфу напали заранее, они имеют право изменить выбор. Мы по-прежнему в игре. Теперь понимаешь, почему мама разозлилась.

– И не она одна. Я сам могу кое-что изменить. Например, строение черепных коробок этих Операторов.

Сохраняй спокойствие. Не говори больше ничего. Полагаю, это чрезвычайно важно.

Он меня натаскал. Несмотря на желание впасть в ярость, я взял себя в руки.

Вероятно, все прочие получили то же сообщение. Джон Растяжка, Белинда, Морли и Паленая не проронили ни слова, хотя должны были сыпать вопросами.

Покойник вел искусную игру. Надеялся заставить кого-то совершить то, чего он не собирался делать.

Именно.

Не слишком утешительная мысль. Обычно этим кем-то оказываюсь я.

Как ни странно, самое доступное сознание – у Кивенс. Забавно, учитывая, что именно она разработала и продолжает улучшать сеточки для волос. Ее отец почти столь же доступен. Он уверен, что случившееся с Метательницей Теней не было преднамеренным поводом избежать этого визита. Он чуть ли не умирает от страха, что все может оказаться намного хуже, чем сообщил врач.

Это плохо. Не хотелось бы лишиться столь грозной тени за нашими спинами.

– Ты позвал нас встретиться со своим партнером, Гаррет, – сказал Барат.

– Позвал, надеясь, что у него будет доступ к вашему сознанию. Самое ценное его качество – умение находить вещи, которые вы знаете, но о которых не догадываетесь, и выявлять связи между ними. Но в этих сеточках вы могли с тем же успехом не приходить.

Кивенс встревожилась. Даже испугалась.

Она что, всерьез думала, что мы ничего не знаем?

Да. Так и есть. Я постарался, чтобы никто не заметил.

Зря я об этом сказал.

Несмотря на возраст, я по-прежнему часто сначала говорю, а потом думаю.

Я не ждал, что кто-то избавится от защиты. Хотел, чтобы их мысли обратились к тем секретам, которые они действительно хотели сохранить. Старые Кости сможет снять эти мысли с поверхности их сознаний. Однако Барат начал выпутывать из волос столь красиво вплетенную в них сеточку.

Старые Кости легко коснулся меня, одобряя мою тактику, подкидывая предположения, а потом заметил:

*Этот человек **смертельно серьезно** относится к данному делу.*

Обычно сообщения Покойника не богаты интонациями. Это было исключением.

– У Констанции есть соображения, кем могут оказаться Операторы? – спросил я Барата.

Альгарда удивился. Должно быть, ему в голову приходил тот же вопрос.

Теперь, когда он снял сеточку, я мог не продолжать.

Кивенс тоже потянулась к волосам.

Гаррет, ну ты и дипломат. Взгляни на это. Люди, живущие в глубинах океана секретов, идут на столь решительный шаг из-за гибели женщины, которую они все любили.

Я не выдам доверенных мне тайн, даже тебе. И тебе, Паленая. Сплетничайте и стройте догадки, сколько влезет. Я не скажу ни да, ни нет.

Они тоже его услышали.

– У меня сложилось впечатление, что у нее есть кто-то на уме, но она хочет проверить свои подозрения, прежде чем говорить что-либо, – сказал я Барату.

Тара Чейн попыталась снять свою сеточку. Проблем с этим не возникло. Сеточка оказалась вплетена в парик и шиньоны. От которых она избавляться совсем не хотела.

Тут имело место откровенное тщеславие. Или не только оно – под париком скрывалась лысина.

Барат немного расслабился.

– Мне она ничего не сказала, но, думаю, ты прав.

У него самого есть легкие подозрения по поводу его друга Киоги и некоего Костемола.

Киогу из списка подозреваемых можно было исключить. Сторнс уже наполовину снял свою сеточку.

Этот сосуд пуст, – сообщил мне Старые Кости. – Почти в прямом смысле. В его голове крутится только навязчивая тревога о безопасности его детей.

– Во множественном числе? – Я слышал лишь об одном.

Их несколько. Ты уже встречал двоих, они члены Клики.

– Такова жизнь. Все взаимосвязано.

На меня косились. Людям неуютно, когда мы с Покойником ведем личные беседы.

Пожалуйста, помни об этом. Мистер Альгарда сообщил нам абсолютную и буквальную истину, в его понимании, насчет мыслей своей матери.

Интересный подбор слов. Возможно, Старые Кости наткнулся на слабое подозрение, которым пока не хочет делиться.

Так и есть.

Гр-р-р. Почему все так сложно?

Почему бы для разнообразия всему этому не быть простым?

Потому что дураков хватают и отправляют в трудовые лагеря прежде, чем они успевают начать карьеру? Прежде, чем достаточно продвинутся в жизни, чтобы причинить мне неприятности?

Интригующе солипсическая гипотеза.

Иногда на загаженных лошадьями улицах мне попадаются глупые мерзавцы. Глупость – пятый элемент творения и, вероятно, самый распространенный. А может, некая магнетическая сила притягивает ее в Танфер.

Появилась Пенни со свежим чаем и удивленно уставилась на собравшуюся толпу. Дин ее не предупредил. Я думал, она сбежит в комнату Покойника, или в свою собственную, или на кухню, но девчонка лишь отступила к двери и спросила:

– Что происходит?

Старые Кости над ней работал. В конце концов, он за нее отвечал. Она была его питомицей.

28

Я закрыл дверь за Тарой Чейн. Этот бастион нечувствительности отбыл последним, намекая, что мне следует проводить ее до дома.

Покойник заверил меня, что она хотела именно того, чего я опасался.

Эти люди ничего не знают об убийце Страфы и не владеют почти никакой ценной информацией о Турнире мечей, – заметил он. – Только леди Тара Чейн полностью убеждена, что грядет новый турнир. Остальные принимают его близко к сердцу исключительно из-за гибели Страфы.

Вот черт. Они что, считают, это банальная афера?

Не исключено, хотя мои встречи вызывали некоторое сомнение.

Предположение об афере нельзя сбрасывать со счетов.

Покойник тоже сомневался, что Турнир мечей удастся провести в нынешних условиях.

– Среди жителей Холма есть люди, у которых хватит таланта для игры, но достаточно ли у них смелости?

Последствия могли быть весьма печальными. Можно с тем же успехом встать на пути у Дила Релвея или Белинды Контагью. Уж лучше сразу в могилу.

Это следует обдумать. Хотя идея не рациональна, организация турнира – тоже не самое рациональное действие.

Он покопался в мусоре в моей голове. Прodelал то же самое с Пенни и Паленой, Белиндой и Джоном Растяжкой, после чего провозгласил очевидное:

Чего-то не хватает.

– Не хватает много чего. Например, смысла. Это мы уже выяснили.

Покойник погрузился в размышления, предоставив нам редкую возможность наблюдать за процессом. Работа его мозга интригует. Он рассмотрел самые причудливые версии, например, что Страфу и Порочную Мин заделали случайно или с кем-то перепутали.

Он понимал абсурдность подобных идей, но хотел проверить все вероятности. Истина на первый взгляд может показаться не менее абсурдной.

Остальные пили пиво и преимущественно молчали. Я ушел в комнату Покойника и занялся тем же. Пенни вернулась к работе над одной из своих картин.

Я поковырял версию ошибочного опознания, и она расползлась по швам. Без сомнений, на Страфу напали преднамеренно. И одновременно пострадала Порочная Мин.

Я должен повидать эту женщину. Рейса и Декса тоже, но Мин – в первую очередь, при первой же возможности.

– Ты нашел ниточку?

Возможно. Я задумался, с чего бы Ужасному компаньону, предположительно выдернутому из другой реальности и единственному подобному созданию, замеченному до сих пор, появляться до начала турнира. И нанимать людей твоей профессии, чтобы следить за тобой. В этом есть что-то странное.

– Рейс и Декс? Ты уверен? Не думаю, что они нам помогут. Я их вчера допросил.

Не сомневаюсь. И они могут оказаться пустыми сосудами. Но с равной вероятностью могут знать нечто, не связанное с тем, о чем ты спрашивал, о чем они умолчали и что может иметь косвенное отношение к ситуации.

Я не скрывал своего скептицизма. Эти двое не являлись ни сердцем, ни душой семейного предприятия «Альгарды». Они просто убрали и готовили.

Например, мы полагаем, что Страфа направлялась домой, когда на нее напали. Но так ли это? Быть может, она уже была дома, и ее нарочно вызвали на улицу? Или она про-

сто вышла посмотреть, почему перед домом болтается Порочная Мин? Нам что-нибудь известно об этой женщине, кроме того, что она сама сообщила другим свидетелям?

– Возможно, ты прав. Мин сказала Барату...

Да. Но.

Что-либо о Порочной Мин мы знали исключительно со слов самой Мин.

Чем дольше я размышляю об этой демонической женщине, тем сильнее хочу с ней познакомиться. Она могла участвовать в убийстве. Возможно, ей не повезло, она пострадала, и ее поймали, но поскольку свидетельств против нее не нашлось, она сочинила историю, прежде чем отключиться от потери крови.

Вот этим он и занимается. Смотрит на вещи под необычным углом. Этот сценарий укладывался в факты. Я это признавал.

– Но для чего ей следить за мной?

Престон Уомбл ничего не знал. Знал только, что человеку нужны деньги, чтобы питаться и платить за жилье, а кто-то дал ему наличные, чтобы он занимался тем, что у него получалось лучше всего. Вероятно, Элона Мьюриэт тоже ничего не знала.

Я вспомнил голодные времена, когда трудился в подобной слепой обстановке. Все клиенты ввали об истинных мотивах своих заказов.

Жизнь – это обман. К нему привыкаешь.

Теперь Уомбл и Мьюриэт – безработные. Мы можем заманить их сюда, предложив дело.

– Не получится. Они не станут со мной связываться.

Они тебя не увидят. Пускай мисс Торнада займется женщиной. А мистер Тарп... Нет. Всем известно, что он твой помощник. Лучшие мистер Плеймет, если здоровье позволяет ему ходить. Не получится – попробуем Йона Сальвейшина или мистера Колду. Им эта идея может понравиться. Мистер Уомбл и мисс Мьюриэт не должны ассоциировать этот район с тобой, пока не окажутся слишком близко, чтобы бежать.

Только если они не потрудились сделать домашние задания. Когда Порочная Мин натравила их на меня, я жил со Страфой. Проклятие! Эта парочка может оказаться золотой жилой в царстве вещей, которые мы знали, но не догадывались об этом.

29

Плоскомордый и Торнада были в деле, но Тарп не имел отношения к Уомблу и Мьюриэт. Покойник использовал его в качестве курьера. Его первым заданием стало сообщить Рейсу и Дексу, что их присутствие требуется здесь. А мистер Тарп их проводит.

Я отправился к Плеймету, узнать, не приведет ли он Уомбла к Покойнику. Если состояние его здоровья окажется слишком хрупким, я переключусь на Колду, чей аптекарский магазин располагался в нескольких кварталах от конюшни Плеймета. Я в любом случае хотел повидать Плея. Хотел узнать, что он видел той ночью в Квартале снов.

Может, он заметил что-то, чего не увидела Пенни.

Кроме того, я хотел проверить, как он себя чувствует. На похоронах и поминках мне этого сделать не удалось.

Его подстерегала мучительная смерть от прогрессирующего рака. Объединенные усилия Колды, Покойника и священника-целителя Хото Перца искоренили это зло. Почти. Я надеялся, что Плей по-прежнему опережает противника. Он был одним из моих лучших друзей. И нравился мне, что отнюдь не всегда можно сказать про старинных знакомых. Он был хорошим парнем, правильным в прямом смысле этого слова.

Казалось, улицы находились полностью в моем распоряжении. Я настороженно смотрел вперед, как на патрулировании венагетского участка островных болот. Никто не проявлял ко мне интереса, и я ничего не чуял. Ни друзья, ни враги, ни Стража ничем себя не выдали.

Мне это нравилось, но казалось странным.

Я двинулся по Макунадо на восток, прошел переулками четыре квартала до Магнолии и зашагал по ней на восток к Площади принца Гуэльфо. Размерами она чуть больше носового платка. Я задержался, чтобы заглянуть к Френкельджину, продавцу сосисок, и получить сочную горячую сосиску на булочке, обильно украшенную сырым луком. Поедая сосиску, я брызгал жиром во все стороны и осматривался. Френкельджин умеет видеть. Он больше похож на мебель, чем на живое существо. На него не обращают внимания. Дополнительной маскировкой ему служит то, что он лишь отчасти человек.

Он также информирует Дила Релвея. Однажды я видел его с отчетом в Аль-Харе. Он меня не заметил.

Я задал несколько ненавязчивых вопросов, в основном из любопытства. Главной причиной моего визита была сосиска.

Если у Страфы и имелись недостатки, так это ее пристрастие к здоровой пище. Я так и не смог убедить свою невесту, что толстые, жирные колбаски в больших количествах – отличный обед.

Я решил не упускать момент и взял еще одну сосиску. Затем, счастливый и сытый, возобновил путь к конюшне Плеймета, уверенный, что не стану тамбурмажором на очередном параде. Я не обращал внимания на собак. Город кишит бродячей живностью, которую, как и крысюков, люди редко замечают.

Могло ли отсутствие интереса ко мне объясняться тем фактом, что какой-то умник повесил на меня магический маячок? Или я шарахаюсь от теней, и моя персона больше никому не нужна?

Эго на этом не раздуешь. Получается, и друзья, и враги нашли себе лучшее занятие. Я стал вчерашней новостью.

Даже моя собственная жизнь не могла больше крутиться исключительно вокруг меня.

Я вышел на финальную прямую, поднимался по небольшому склону, пыхтя и говоря себе, что давно пора вернуть форму.

Лучше всего мне удаются мысленные физические упражнения.

Несмотря на решение поддерживать бдительность на самом высоком уровне, я не сразу осознал, что уже не один.

30

Ко мне присоединилась лохматая двадцатифунтовая дворняга каштанового окраса, трусившая у моей правой лодыжки с таким видом, словно она была здесь всегда, и в этом заключался смысл ее жизни.

– Проваливай, псина. Ты для меня слишком стара.

Псина наградила меня собачьим эквивалентом восхищенной улыбки. Я заметил, что это создание женского пола. И что с того? Дворняга – она дворняга и есть. Мне они ни к чему.

Мой брат Майки постоянно таскал домой дворняг. Мама с этим мирилась, хотя обычно через несколько дней они «убегали». Майки всегда все делал правильно.

А вот если бы живое существо привел домой я, у мамы случился бы припадок. Хотя мои существа были намного прикольней. Например, детеныш мастодонта. Или хищный громовой ящер. Мелкий, высотой до бедра, питающийся крысами и кошками.

Еще одно знамение времени. Сейчас их почти не встретишь.

Эта собака определенно была дамой. Она не слышала того, что не хотела слышать. Сопровождала меня, куда бы я ни направлялся.

Я тихо зарычал. Каштанка зарычала в ответ, поддерживая добродушную беседу. Каштанка – потому что я такой сообразительный, хотя мог бы с тем же успехом назвать ее Пятнашкой. На горле и задней левой ноге собаки красовались белые пятна. Ее хвост был сломан.

Пока я изучал привлекательные черты псины, еще одна собачья леди заняла почетное место слева от меня. Она была такого же размера, как первая, но у нее в роду явно имелся бульдог. Уродливая настолько, что глаз не оторвешь. Судя по всему, она не могла похвастаться приятным характером Каштанки.

Зато страдала тем же нарушением слуха.

До конюшни Плеймета оставалось не больше сотни ярдов. Там я и проверю, не сунул ли кто-то стейк мне в карман. Я видел Плея собственной персоной, болтавшего с клиентом, который желал оставить у него лошадь. Кляча покосилась в мою сторону и печально фыркнула.

Ну вот. Все они жаждут моей крови. Никто мне не верит, но я не смог найти ни одного доказательства противоположного. Хотя эта конкретная кобыла не бросала мне вызов. Ей просто не нравилось быть на одной улице с жуткой тварью Гарретом.

О да. Она догадывалась, кто я такой. Опознала меня. Эти монстры владеют телепатией.

Из темной подворотни вылетела Крошка Му. Она врзалась в меня на полном ходу. На ней был тот же наряд, что на кладбище. И ничего нового она не сказала.

– Ненавижу тебя! Ненавижу! – И заколотила меня кулачками в грудь.

Собаки плясали рядом, возбужденные, но сохраняющие нейтралитет.

Плеймет побежал к нам.

Я ухватил девицу, перекинул через плечо и пошел к нему, а он немедленно доказал, что помощи от него не дождешься.

– Отпусти ее, Гаррет. Люди же смотрят.

Тут он не ошибся. Зрители не всегда склонны сочувствовать тридцатилетнему мужику, волочащему молодую девушку, которая кричит и брыкается, хотя производимый ею шум и придает событиям сходство с домашним скандалом. Толпа может сначала разобраться со мной, а потом изучить факты, и девчонка успеет скрыться.

Но люди не слишком торопились на выручку, возможно, из-за собак. Теперь их было четверо, и они превратили развлечение в замечательный собачий праздник. Они тявкали. Они повизгивали. Они радостно прыгали туда-сюда. Ну какое это похищение?

Я громогласно сообщил, что на сей раз мамочка ей голову оторвет. Опустил девчонку на землю, но ухватил ее за правую руку, маленькую, пухлую и горячую. Мы нырнули в жилище Плеймета.

Плей завел внутрь клиента и его животное, бормоча:

– Ну и дети нынче пошли. – После чего добавил: – Собак в кабинет, Джи, не к лошадям. Джи?

Я повел за собой псов, не выпуская мою новую юную подружку. Дворняги оказались сговорчивыми, девчонка – вялой. Сейчас она выглядела пристыженной. Не поднимала глаз и двигалась как во сне.

Готовилась дать деру при первой возможности.

Я закрыл дверь на улицу.

Собаки уселись или улеглись. Каштанка расположилась на животе перед входной дверью, устроив морду на лапах, с обожанием глядя на меня. Остальные казались не столь дружелюбными.

Судя по всему, Каштанка была леди-боссом.

– Как тебя зовут? – спросил я девушку. По-прежнему держа ее за руку.

Она посмотрела на меня, словно вопрос ее смутил, потом опустила глаза в пол. Тихим голосом произнесла:

– Ненавижу тебя.

– Со словарным запасом у тебя не очень, крошка.

Я усадил ее в кресло и отошел в сторону. Она поерзала, устраиваясь.

– Значит, без имени? А где ты живешь?

Этот вопрос оказался таким же сложным.

– Ну ладно. Кто твои родители?

Ничего. Я задал еще несколько вопросов и не получил никакой информации. У меня создалось впечатление, что она не понимала, о чем ее спрашивают. Девочка еще раз тихо и печально напомнила, что ненавидит меня, но с каждым новым вопросом все больше уходила в себя, все сильнее смущалась.

К нам присоединился Плеймет. Он был не в самом радужном настроении.

– Пришлось соврать людям насчет тебя, Гаррет. Что за чертовщина? Что происходит?

– Я бы с радостью рассказал, если бы знал.

Он уселся за настоящий письменный стол, занимавший пятую часть комнаты, и посмотрел на девушку. Этот стол достался ему от зятя, в качестве возмещения долга. Зять мог похвастаться серией провалов после того, как проявил удивительный потенциал, энергию и энтузиазм в организации и финансировании смелых проектов.

На лице Плея было скептическое выражение. Он подозрительно взглянул на меня, потом на девушку в костюме коровы и на всех четырех собак, которые вели себя неправдоподобно тихо и воспитанно. Каштанка прикрыла глаза лапой.

– Я пришел расспросить тебя про ваш с Пенни визит в Квартал снов, – сказал я. – И узнать, как ты себя чувствуешь. И предложить тебе работенку в поисках людей, напавших на Страфу. Что случилось с Крошкой Му, ты и сам знаешь. Видел.

Этого он отрицать не мог. Но и не был готов принять мои слова за чистую монету. Он крякнул и подождал, пока я выдам или оправдаю себя.

– Вокруг меня происходят всякие вещи. Станные вещи. – Из-за которых моих друзей иногда засыпает пылью и мусором.

– Плей, я не знаю, кто эта девушка. И с радостью оставлю ее преподобному Плеймету, чтобы разобрался. Я только хочу знать, не видел ли ты чего-нибудь, что упустила изображавшая из себя жрицу Пенни.

– Страфы там не было, Гаррет. Мы бы заметили. Самое тухлое сборище из всех, что я посещал. Увы, религия умирает.

– В Танфере? Это самый набожный город, что я когда-либо видел.

– Именно в Танфере. На нижнем конце Улицы богов пустуют храмы. Мелкие культы не могут платить ренту.

Каштанка на полдюйма приподняла голову и приоткрыла глаз, словно проверяя, не занялись ли двуногие чем-то интересным. С привлечением пищи.

– Ненавижу тебя, – робким шепотом напомнила мне Крошка Му.

– Больше она ничего не говорит, Плей. Не говорит почему. Не называет свое имя. Ни слова о своей семье. Я даже не уверен, что она понимает вопросы.

Плеймет поднялся и наклонился над столом. Он придал лицу самое мягкое выражение, но хотя рак и сильно потрепал его тело, оно осталось крупным и угрожающим.

Каштанка открыла второй глаз и издала звук, явно к кому-то обращаясь, но я не понял намека.

– Может, она слабоумная? – предположил Плеймет.

– Не похоже, чтобы с ней плохо обращались.

Судьба одиноких слабоумных девочек незавидна. Возможно, этот конкретный экземпляр жил припеваючи, потому что вокруг раскинулся новый, угнетенный законами Танфер, который породили кошмары Дила Релвея.

Плеймет уселся на место.

– Ты найдешь помощника, если я откажу тебе в просьбе?

– Я думал о Колде, потому что он живет рядом.

– Лучше бы кого-то другого. Его старушка держит мужа на коротком поводке после истории с производителями зомби.

Они не были производителями зомби, но я понял, что он имеет в виду, и не стал уточнять.

– Ты часто с ним видишься?

– Он снабжает меня лекарствами от рака. Я угощаю его обедом в «Виноградной лозе», когда Труды позволяет. Кто еще есть у тебя на примете?

– Йон Сальвейшн?

– Возможно, не лучший вариант.

– Да?

– Он согласится. С радостью ухватится за шанс поучаствовать в новом приключении.

Я нахмурился. Он что, знал о Сальвейшне нечто такое, чего не знал я?

– Правда, Гаррет, чем бы это ни было для тебя, для него это будет приключением.

– Вероятно, ты прав.

Это станет частью истории Йона Сальвейшна. Войдет в какую-нибудь новую пьесу. И, участвуя в реальных событиях, он будет пытаться вносить исправления и пометки, напрашиваясь на катастрофу.

– Меня ждут животные, – сообщил Плей. – А теперь еще и это. – Он имел в виду Крошку Му. – Если не получится с Колдой или кем-то еще, возвращайся. Подумаем, что можно сделать.

Мне на ум пришло пиво. Сегодня я еще не пил. Так почему вдруг вспомнил о нем? Плеймет не пил вообще. Ему было нельзя. Затем я понял, что талдычило мне подсознание.

– Я могу обратиться к Максу Вейдеру или Манвилу Гилби. Перспектива поработать на пивоварню вызовет у Престона восторг.

– Отличная мысль. Действуй. Я попробую что-нибудь из нее вытянуть. – И не успел я сдвинуться с места, как он добавил: – Не знаю, что и сказать, Гаррет. Мне так больно за

тебя. Случившееся стало испытанием моей веры. Эта девушка была лучшим в твоей жизни. Полагаю, мне следует благодарить Господа за то, что она у тебя хотя бы была.

– Это правда, – ответил я. – Спасибо, Плей. Это много для меня значит.

Я не обманывал, потому что Плеймету очень сложно выражать эмоции. Особенно в данном случае, ведь он обожал женщину, чье место неожиданно заняла Страфа.

Я и сам до сих пор с трудом в это верю.

31

Посещение пивоварни прошло как обычно. Все, кроме начальства, вели себя так, словно я был разносчиком брюшного тифа, хотя и сочувствовали моей утрате. Заболевание, которого они в действительности опасались, являлось мягкой формой того, что Дил Релвей и генерал Туп яростно разбрызгивали по полотну города. Мое собственное творчество затрагивало лишь пол пивоварни и складские помещения.

Мелкие кражи прекратились. Макс Вейдер хорошо платил своим людям и не возражал против небольшого личного употребления продукции, поэтому обычно его охранная команда – то есть я – бездельничала. Дел было так мало, что я редко заглядывал в пивоварню, а когда все же там появлялся, люди волновались. Я мог сунуть нос не в свое дело. Я заставлял окружающих нервничать.

В этом заключалось мое основное предназначение.

Прежде чем направиться к Вейдеру, я все-таки заглянул в магазин Колды, но так и не попросил у него помощи. Меня отпугнула его жена.

Она искренне хотела, чтобы мы держались друг от друга подальше. Считала меня ходячей неприятностью.

В пивоварне я обнаружил Макса и Манвила Гилби. Изложил им свое дело. Они задали несколько вопросов.

– Мы можем вычесть потерянное время из твоего гонорара, – предложил Манвил.

– Размер которого нам, вероятно, следует пересмотреть, – добавил Макс. – За этот месяц ты появился здесь впервые – и только ради того, чтобы попросить об одолжении.

Он был прав. В последнее время я позорно забросил работу, как в Объединенной компании, так и в пивоварне.

Я рассыпался в извинениях.

– Не суетись, – сказал мне Макс. – Я понимаю твою ситуацию. Сам не так давно ее пережил. – Большую часть его семьи убили. Тогда я и познакомился с Паленой. – Ты помог мне с этим справиться.

– Что бы мы ни думали о твоей хромающей трудовой дисциплине и нехватке амбиций, мы у тебя в долгу, Гаррет, – сказал Гилби. – Ты доказал, что ты настоящий друг. Теперь наша очередь.

Умом я это понимал. Правда. Но не хотел распускаться еще больше, не хотел еще сильнее зависеть от окружающих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.